

ПУСТАЯ ЗЕМЛЯ

A romantic illustration of a woman with long, flowing white hair and a man in a silver, cybernetic suit. They are embracing closely, their faces nearly touching. The woman is on the left, looking towards the man on the right. The man's suit is highly detailed with mechanical components and a helmet that has a glowing orange visor. The background is a soft, warm sunset or sunrise with a large, bright moon in the sky. The overall mood is intimate and futuristic.

18+

Анастасия Аверина

Эндо

Анастасия Аверина

Пустая Земля

«Автор»

2023

Аверина А.

Пустая Земля / А. Аверина — «Автор», 2023 — (Эндо)

Я имитатор, у меня есть необычная способность - переживать состояние другого человека как свое собственное. Благодаря этому я смогла открыть доступ к ранее закрытой планете и... попала в плен к иноземному захватчику. Умопомрачительные путешествия по разным планетам, знакомство с удивительным роботом, загадки цивилизаций и, конечно, необъяснимые чувства к человеку, который никогда не снимает шлем...

© Аверина А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анастасия Аверина

Пустая Земля

Глава 1

Любая земля когда-то станет пустой. Все мы... растворимся на бездонной и бездушной стылой земле, усыпанной кривыми камнями. Сможем ли мы посеять и взрастить ростки новой жизни на ней? Сомневаюсь... Всех нас унесёт с собой безысходность. Так стоит ли сейчас ценить жизнь? Жизнь которая неизбежно станет ничем...

Я робко приоткрыла дверь аудитории и сделала несмелый шаг по скрипучим доскам огромного святилища науки. Зал тут же взорвался аплодисментами.

– А вот и наша припозднившаяся победительница! – хитро подмигнул мне подтянутый бородатый ректор, не скрывая своего веселого настроения. – Альтарея Севинская!

– Извините... – смущенно пробормотала я, перебирая с ноги на ногу и испуганно поглядывая на ряды с ведущими учеными нашего направления Имитационники. Несмотря на рассеянность, я заметила также в зале немногочисленных военных и политиков. Я совсем недотепа, раз заставила ждать себя этих людей...

– Право же Вам, не смущайтесь! – ободряюще подмигнул мне ректор, подтягивая к трибуне. Я вымученно улыбнулась. – А вот милая улыбка Вам совершенно к лицу! Напоминаю, именно студентка нашей прославленной в третьем Галактическом содружестве Академии Имитационники смогла разгадать ключ к считавшемуся ранее недоступным территориям, граничащим с Чёрным Верховенством Дальтерия. Это спорные территории, признанные седьмым Галактическим Советом нейтральными. Но наша разведка показала, что в них, возможно, скрыт большой ресурсные потенциал, неизведанная ранее флора и фауна... Наши доблестные военные, – ректор кивнул вправо от себя, где сидели эмоционально застывшие грузные мужчины с печатью вселенской непроницаемости на лице, – организуют уникальную экспедицию в неизведанный район на планету Катарию. Они оказали нам большую честь, захватить с собой и научное подразделение, состоящее из наших учёных. Мы готовы провести масштабное исследование местных органических и неорганических ресурсов. И конечно... – он лукаво покосился на меня, – с собой мы возьмём нашу победительницу!

Зал снова взорвался аплодисментами, я а ещё больше смутилась и покраснела под многочисленными взглядами своих учителей и людей, род занятий мне всегда был непонятен – политиков, и учёных. Неожиданный поворот событий. Меня возьмут с собой. Стоит обрадоваться, но...

– Вы же понимаете, какая это честь для Вас, Альтарея! Для нас всех! Каждый сейчас хотел бы оказаться на Вашем месте!

– Конечно! Я безумно рада! – сказала я нужные слова. – Это такая возможность познать нечто новое... – это правда. На самом деле я обрадовалась и испугалась одновременно. Путешествие на далекую дику планету совместно с военными... Все ли сложится удачно? Я паникерша. Конечно, все будет замечательно. Весь курс мне обзавидуетеся...

– Не то слово, дорогая! – снова панибратски приобнял меня ректор. – Как мы все знаем, Альтарея – студентка предпоследнего курса отделения Прикладной Имитационники является победителем конкурса... э-э-э “Раскуси Катарию». Напомню, что конкурс стартовал полгода назад в рамках программы планетарной исследовательской миссии по изучению Дальних Регионов. За это время было принято более десяти тысяч работ, представляющих собой возможные ключи по разблокировке силового поля вокруг Катарию и лишь единственный ключ подошёл! –

снова бурные аплодисменты. Я видела неподдельное восхищение на лицах присутствующих. Неужели это я?.. – Этот ключ был создан на кафедре проблем Прикладной Имитационики нашей студенткой Альтареей под руководством профессора Гартора! Поздравляю, профессор! Поздравляю, Альтарея! Для нашей кафедры, да и всего научного сообщества это открывает весьма привлекательные перспективы... Альтарея! В чем же Ваш секрет?! Быть может, Вы поделитесь им с нами? Как Вам удалось подобрать ключ к столь загадочной и недостижимой территории?

Сотни глаз с оживлением уставились на меня, на зал накатила полнейшая тишина, словно каждый затаил дыхание в ожидании открытия страшного секрета. Но никакого секрета не было. Я это точно знала. Увы.

Я замерла, как перед прыжком в воду, сердце бешено колотилось, я до сих пор не привыкла выступать перед большой аудиторией. Сидеть бы тихо в своём кабинете в уютном уголке, подбирая ключи к закрытым уголкам...

– Прежде всего, хочу сказать спасибо моим учителям, – я не раз бывала на выпускных защитах, поэтому прекрасно понимала, с чего должна начинаться правильная речь. – Именно благодаря им я усвоила знания и приобрела навыки, необходимые для столь кропотливой работы. Смею вас разочаровать – секрета нет. Ключ я искала в соответствии со стандартной для нашей кафедры инструкцией. Я просто делала свою работу... – я запнулась, не зная, какие слова мне ещё подобрать. – Возможно... возможно, мне удалось погрузиться в состояние достаточно глубоко. Похоже, оно оказалось близко моей природе... – говорить об опыте имитации всегда было нелегко. – Но система показала, что ключ подошёл... – снова громкие хлопки, и свист. – На самом деле, я безумно счастлива, что мне удалось сделать что-то на пользу науки и интересам Третьего Галактического Сообщества, – кивнула я, быстро закругляя свою речь так, как полагалось. Все-таки хорошо, что я успела побывать на защитах и подхватить несколько распространённых фраз.

– Что ж, скажем спасибо Альтарее, – развёл руками ректор. – Успех нашей студентки это гордость и для нас, старого поколения разработчиков Прикладной Имитационной науки! Это сигнал для всех нас, что мы движемся в верном направлении! И наше галактическое содружество проходит очередной виток развития и освоения новых земель. Конечно... – ректор запнулся, задумчиво почесал подбородок, – земля обладает несколько спорным статусом и может возникнуть территориальный конфликт с агрессивно настроенным Чёрным Верховенством... Но мы имеем все шансы, господа! По нашим данным Верховенство сейчас ведёт ожесточенные бои с норканнами на западной диагонали полилунного скопления, так что вряд ли их заинтересует проникновение на отсталые краевые земли. Ну, а в случае чего... – он как-то беспомощно покосился на главного военного, все такого же непроницаемого. Затем почему-то на меня. – В случае чего, мы сможем дать им достойный отпор! Армия Галактического содружества сильна, как никогда!

Зал встал. Все поддержали слова ректора и я прекрасно понимала почему. Эпоха относительного мира после ожесточённых сражений за спорные ресурсоемкие территории установилась совсем недавно. Я имею в виду планетарные мерки, сотню лет... Только с объединением Третьего Галактического Сообщества расы перестали конфликтовать. Но... вот уже как с десятков лет мир снова разрушен.

Чёрное Верховенство Дальтерия. Во главе снова раса людей, однако с давних времён не признававшая Галактических Объединённых Сообществ. Эти бесчисленные (как и наши) территории вакуума с островками планет, многие из которых заселены живыми организмами, всегда были чужды нам и казались воплощением дикого отсталого устаревшего подхода к организации и ведению социальных хозяйствующих субъектов, находящихся на дальних и сверхдальних расстояниях. Говоря простым языком, наши сообщества давно предпочитают искусственные, сбалансированные под определенные расы, космические станции, превратив-

шиеся в многомиллионные города. Можно выбрать себе любой дом в зависимости от климата, освещенности, местных законов, лидирующей отрасли. Продуктов же везде хватает на любой вкус и размер...

Лидирующая отрасль нашего города Местерианы – образование, здесь находится крупнейший в пятом секторе Университет, готовящий самых разнообразных специалистов. Местериану я выбрала исходя из какой-никакой близости к родному дому. Все-таки приходится довольно часто навещать родителей. Кроме того, в Местерианском Университете одна из сильнейших кафедр Имитационики, науки, в которой я всегда показывала хорошие результаты. Но я отвлеклась.

Местериана – город сверхсовременный и технически весьма оснащённый (как может быть иначе, если здесь собрались ведущие умы и разработчики из нашего сектора), однако мне порой не хватает солнечного света и мало-мальской растительности. Все-таки мой родной город сплошь засажен плодовыми деревьями. Так вот. А жители Дальтерии вообще не признают техногенных городов. Во-об-ще. Все их разумные ресурсы, я имею в виду, люди и другие расы, сконцентрированы исключительно на планетах естественного происхождения. Раньше наши предки полагали, что это связано с примитивностью, недоразвитостью цивилизации дальтерийцев. Но позже разведка показала, что причина, скорее, в тоталитарном режиме и узости, кх-м-м, мировоззрения. Может быть, здесь замешаны и религиозные мотивы, но дальтерийцы, несмотря на свою сильную армию и космический флот, показывающий их достаточные технические возможности, селятся на тех планетах, где возможно природное существование рас. Для нас до сих пор остаётся загадкой, где они берут столь много подходящих планет.

Дальтерийцы вот уже несколько тысячелетий существуют, как жестко независимая территория с довольно агрессивным населением. На всём протяжении истории дальтерийцы непрерывно затевали войны с соседствующими, а то и дальними объединениями, подчас поглощая и разоряя всех, кто не мог устоять перед их натиском. Лишь Третье Галактическое Содружество сумело дать достойный отпор и дальтерийцы переключились на пространство, граничащее с их территориями с противоположной стороны от Содружества. В конце концов, слабые объединения пали и наступила эпоха Межгалактического Мира.

До тех пор, пока к власти Дальтерии не пришёл Зэлдар. Человек Под Маской, так его ещё называли. Властелин Чёрных Земель. Предводитель Чёрного Верховенства. Поговаривают, что он был так изуродован в одном из многочисленных затеянных им самим сражений (некоторые дикие расы умеют оказывать точечное силовое сопротивление), что теперь единственный его образ – неснимаемая неподвижная маска, спрятавшая лицо (наверное, чтобы никто не упал в обморок при виде такого «красавца»). Извечно чёрные одеяния. И безграничная, непобедимая жестокость, неумолимость буйного завоевателя, которую никто не смог остановить.

Жители Дальтерии, должно быть, рады своему беспринципному и неукротимому правителю, присоединившему к Дальтерии столько земель за годы своего правления, сколько не удавалось за последние несколько сотен лет. Однако, мы все оставались спокойны, зная, что находимся под неусыпной и мощной поддержкой Галактического Сообщества, а сюда Зэлдар не сунется. В общем, я чувствовала себя в безопасности, находясь в центре Содружества, и никогда особо не интересовалась политическими и военными дразгами. Знаю лишь краткий курс истории, который в двух словах попыталась изложить.

– И конечно же... – привёл меня в себя бодрый голос ректора. Глубоко я задумалась, даже не помню, про что он говорит! – Мы разрешаем Альтарею взять с собой любого компаньона на выбор! И пусть это пока останется маленьким секретом, кого решит выбрать наша уникальная победительница! – ректор склонился ко мне и полушепотом сказал: – Подумайте хорошо, Альтарея... Ну а теперь я оглашу список тех счастливиц, кому судьба улыбнулась отправиться вместе с нами...

Ректор перешёл к списку имён. Названные им учёные вставали со своих мест, приветственно кланялись и улыбались, не скрывая замечательного настроения. Неужели им не страшно? Катария находится ровно на границе наших территорий и пространств Дальтерии, она всегда считалась спорным объектом, впрочем, раз армия неприятеля сейчас далеко... Конечно, наши правители уверены, что Катария – исходно наши земли, прихваченные дальтерийцами в локальном противостоянии двадцатилетней давности.

Признаться, я не обо всем поведала совету учёных, когда меня спрашивали, как я раскусила защитное поле Катарии. Я уверяла себя, что это не имеет отношения к делу, но, по правде, мне было сложно об этом говорить. Когда я работала над проблемой, я сразу ощутила тяжелое давящее состояние человека, наложившего ключ. В какой-то момент я начала задыхаться. Кислород резко закончился в легких, грудь словно сдавил металлический обруч, я сделала несколько резкий вздохов и только с пятой попытки смогла продышаться. У шифрователя поля Катарии явно были серьёзные проблемы то ли с настроением, то ли с сознанием вообще.

Я первый раз в своей практике столкнулась со столь уничтожительным состоянием. Когда я имитировала состояние прототипа (закрывшего проход к планете) мне стало настолько плохо, что, казалось, сейчас все внутренности сожмутся в гармошку, расплющатся под неустанным потоком давящего извне чувства. Разрушительная буря, которая, казалось, выворачивает все кишки наизнанку. Сотни иголок, впивающихся в тебя внутри. Глубокая яма, которая норовит высосать из твоего сознания остатки энергии. Бр-р-р! Пожалуй, в этом вся причина, почему никто другой не смог разблокировать ключ. Видимо, у меня самой не все в порядке с душевным состоянием. Я слишком подвержена панике, во всем сомневаюсь и постоянно чего-то боюсь. Ничем другим свой успех я объяснить не могу, ну и рассказывать о своих проблемах ученым умам тоже. Стыдно. Моя забитость и закомплексованность помогла мне сделать то, что не смог никто другой.

Ректор ещё долго перечислял имена счастливиц, которым предстоял шанс насладиться неизведанным в экспедиции. Я немного заскучала и была рада окончанию мероприятия, когда учёные мужи начали подсказывать со своих насиженных мест для того, чтобы многое обсудить и поделиться впечатлениями с коллегами в пищевом отсеке. Я же на негнущихся ногах, словно робот, сделала несколько шагов из аудитории, стремясь успеть убежать от назойливых поздравлений, как тут же была заключена в крепкие мужские объятия.

– Алька! – заорал молодой мужчина, кружа меня вокруг. – Ты у меня такая умница! Поздравляю!!! Ты мой маленький покоритель космических глубин! Ты просто молодец, сумела выдержать столько испытующих взглядов блюстителей научной мысли! – впился нежным поцелуем в мои губы, пока я не успела ничего ответить. Обожаю Овчанкина. Только с ним чувствую себя по-настоящему спокойно и по-домашнему. – И кого же мой маленький исследователь намеревается взять с собой в качестве компаньона? – глаза Овчанкина смеялись, губы чуть дрогнули в хитрой улыбке.

– Ты ещё спрашиваешь, Овчанкин. Куда ж я без тебя, – буркнула я, стараясь не показывать слишком сильную радость. Потом все-таки не выдержала и широко улыбнулась.

– Ответ правильный! – протараторил мой друг, таща меня за руку куда-то в сторону, скрываясь от любопытных глаз. – Тем более тебя одну я бы ни за что не отпустил, – со всей серьёзностью произнёс он.

– Да-а-а? Привязал бы к себе силовыми нитями? – наигранно возмутилась я, спускаясь по ступеням высотного спиралеобразного здания университета. Здесь все олицетворяло технический прогресс. Даже архитектура.

– Если нужно было бы... то да. – Неожиданно серьёзно произнёс Овчанкин и резко развернул меня к себе, остановившись около пышных тропических посадок, которые неплохо себя чувствовали в атмосфере под тончайшим полимерным колпаком. – А если серьёзно... То нам пора оформить наши отношения, Аля. Не хочу никогда и никуда тебя отпускать...

– Что? – произнесла я растерянно, чувствуя, как почва уходит из под ног.

– Давай будем вместе... всегда, – мой голубоглазый блондин чуть замялся, наблюдая за моей реакцией. – Слетаем на Катарию, отдохнём, то есть, я хотел сказать поработаем там, – хитро улыбнулся он. – А вернёмся – сразу поженимся, пока проживем у меня, но думаю с такими научными успехами мы скоро сможем себе позволить отдельный дом. С собственным садом, как ты мечтаешь.

– Да... – сами собой выдохнули мои губы. Предложение Овчанкина оказалось ещё большим сюрпризом и куда-то более приятной новостью, чем предстоящее путешествие на Катарию. – Да!!! – обняла я его, зарываясь лицом в тёплую грудь с еле заметным пихтовым ароматом.

– Алька! Я люблю тебя! Ты не представляешь как я счастлив! – снова закружил меня Овчанкин. – Пойдём немедленно отметим это в Хате Джойса! К тому же ты сегодня тоже преподнесла мне такой замечательный подарок в виде поездки на Катарию! Со мной ты будешь счастлива везде, Алька! Мы так давно мечтали об этом... быть вместе, любить друг друга, исследовать неизведанные земли! Сегодня – самый счастливый день моей жизни!

– Пожалуй, ты прав, – улыбнулась я. И немного нахмурилась, когда в душе тёмной тенью пробежал отголосок тревоги. Не знаю почему, но меня отнюдь не так радует экспедиция на Катарию, как хотелось бы.

Глава 2

Меня назовут жестоким. Я совсем этого не ощущаю. В чем мера жестокости? Я лишь делаю то, что должен. Обеспечиваю процветание тех, кто рядом, кто подчиняется мне. Да, путём уничтожения и уничтожения всех стоящих на моем пути. Порой механического, не замечая страдания вокруг. Любой человек – механизм, регулируемый внутренней программой. Моя программа велит мне... расчищать. Тех, кто не хочет быть за меня. И только.

По сути, мы все не живые. Мы не живем, а лишь наблюдаем, как реагирует на внешние условия наша программа, простая или сложная. Можно ли испытывать чувства по отношению к программе, к механизму? Нет. Ведь чувства это ещё одно проявление программы, иллюзия, которую она создаёт, дабы затуманить наш разум.

Мы все мертвы, даже когда только появились на свет. Я лишь делаю мертвых ещё мертвее. Можно ли меня за это осуждать?

Подготовка к поездке заняла чуть больше недели. Военные спешили, торопились успеть воспользоваться ключом, а может боялись, что к границам вернётся объединённая армия Даль-терии. Объединённая – смешное слово, учитывая, что армия состоит по большей части из солдат покорённых регионов. Да, кто-то её объединил, пуская и силой.

При использовании ключа меня снова пригласили в большой, крытый прозрачным сводом зал Военного Аюстера, космического корабля с усиленной защитой и военными возможностями. Позвали на всякий случай, вдруг программа, записавшая ключ с меня, не справится с открытием границы. Тогда меня снова попросят воспроизвести состояние вживую. Не хотелось бы снова погрузиться в этот сдавливающий грудь кошмар! Но взирая на сосредоточенные и полные безграничной серьезности лица военных, я понимала, что если понадобится, я сделаю все, независимо от своих желаний. И колени мои зашлись мелкой дрожью пуще прежнего.

Однако все обошлось. Программа на гигантском проецированном экране, около которого мы все засели в удобных креслах, просигнализировала, что все прошло успешно и граница открыта. Военные не хлопали, но заметно расслабились и поздравили друг друга с успешным началом операции.

– Мы на пороге больших свершений, – прокомментировал генерал Гальминтус, руководитель военного сектора экспедиции. – Поздравляю вас друзья. Наша разведка показала, что планета свободна от разумных существ. Впрочем, крупных хищников на ней тоже не наблюдается, но все же прошу вас удержаться от выхода на поверхность, до тех пор, пока наши наземные и летательные дроиды её тщательно не обследуют. В случае обнаружения жизни огонь на поражение открывать при непосредственной угрозе... В остальных случаях использовать силовые нити удержания. Вопросы есть?

Вопросов не было. Только один военный, молодой на вид, поинтересовался, что делать, если все же какой-нибудь хищник обнаружится. На что генерал разрешил произвести зачистку, если хищник будет проявлять агрессивный настрой. В общем повторил то, что уже сказано.

Признаться, ума не приложу, как жизнь занесла меня на факультет, связанный с военными разработками, в то время как я сама что есть силы сторонилась военной тематики в любом её проявлении. И дело вовсе не в том, что мой отец... Мой настоящий отец был военным и погиб вскоре после локальных военных действий двадцатилетней давности. Да, я воспитывалась приемными родителями с семи лет, я обожаю и люблю свою новую, ставшую настоящей семью. Но я прекрасно помню и своих первых родителей так ярко, как бы будто они незримо всегда присутствуют со мной. Отец всегда возвращался домой в военной одежде белого легиона, с неизменными синими лацканами и погонами, отдающими честь прошлым эпохам становления космической эры. Он подбрасывал меня на руках и кружил совсем как Овчанкин,

ласково рассказывая о том, как прошёл его день, спрашивая и меня, интересуясь моей жизнью. Но, я бы все равно никогда не связала свою жизнь с военными разработками, если бы не питала дикую страсть к исследованиям в Имитационике.

Имитационика – наука довольно новая и закрытая от посторонних глаз, овеянная тайной и подхваченная военными. Для того, чтобы поступить на факультет Прикладной Имитационики необходимо обладать не только безупречной репутацией в нескольких поколениях (здесь, вероятно, сыграли роль заслуги моего отца). Крайне важно пройти конкурсный отбор, в рамках которого найти ключи с повышающимся уровнем сложности. Говорят, не многие способны на это, нужен особый талант. Мне же всегда эти задачи давались довольно легко... Ещё в детстве я поняла, что мне не составляет сложности увидеть и воспроизвести внутри меня эмоции других людей. Я словно снимала с них кальку, пробуя смотреть на мир их глазами.

Потребность в имитационике стала очевидной для сообщества учёных после нескольких техногенных катастроф глобального масштаба. Конечно, несколько тысячелетий подряд, начиная с эпохи освоения космического пространства, люди во всех своих начинаниях использовали технические Системы, основанные на электричестве, затем на волновой передаче информации. Компьютеры стали играть определяющую роль в нашей жизни. Они заменили фермеров, строителей, врачей... Роботы посягнули и на творческие специальности, стали архитекторами, исследователями и художниками... Стоило лишь задать программу и роботы сами выстраивали гигантские внепланетные города, добывая строительный материал на нужных космических объектах, выращивая пищевые запасы, выстраивая в городах тонкие системы, позволяющие регулировать гравитацию и поддерживать необходимый микроклимат...

Казалось, это мечта. Люди, наконец, освободились от гнета повседневного труда, каждый мог выбрать занятие по душе, не беспокоясь как в древние времена, где жить и что есть...

Однако сказка превратилась в регулярный, хоть и нечастый кошмар в тех местах, где почему-то прекрасно выстроенные и технически отражённые механизмы стали давать сбой. Казалось, всегда находилась какая-то простая неучтенная причина либо её не было вовсе. Учёные разводили руками. Наиболее заметная катастрофа случилась с крупным космическим городом Нельтарией. По неясным причинам, контролирующее оснащение Нельтарии программное обеспечение внезапно заблокировало силовое поле вокруг города так, что никто не смог выбраться. А затем отключило защиту от космического радиационного фона. Пока специалисты прорвались сквозь установленные программой защитой, все жители города получили такое облучение, что многие оказались обречены.

Другая катастрофа разразилась в краевом районе четвертого скопления, когда, также по неясной причине, поражающее оружие активировалось по отношению к мирным местным жителям. В результате большая часть земель была уничтожена мощным силовым разрядом. И снова учёные с военными не смогли оказать помощь вовремя.

Случались и более мелкие катастрофы. Постоянно. Конечно, среди людей и других разумных (так называемых разумных форм жизни) сразу прошли слухи о появлении сознания и агрессивного настроения у роботов. Режиссеры воспользовались паникой масс, и в большом количестве стали сниматься погружные кинофильмы (устаревшее название), где непременно техника давала сбой, намереваясь подчинить себе никак не меньше, чем всю Галактику. Герой, в роли которого выступал обычный зритель, заключённый в специальную рецептурную камеру, волей-неволей попадал внутрь законченного сюжета и, безусловно, в результате многочисленных испытаний и подвигов спасал целый мир.

Однако паника поглотила умы не только мирных жителей, но и господ военных, когда стало очевидно, что мы не можем прогнозировать и предотвратить ряд технических сбоев, какие бы усилия к этому не прилагали. Устанавливая многочисленные слои защиты, кодируя и оберегая информацию в цифровом виде, накладывая пароли и степени шифрования... мы

не можем уберечь себя от катастроф. Напротив, чем больше цифровых уровней защиты мы пытаемся установить, тем больше вероятность, что на каком-то уровне произойдёт несанкционированная работа программы, хоть и это и защищает её в какой-то степени от расхитителей информации.

Само это знание явилось катастрофой для нашего общества. Не более чем сотню лет назад был сформулирован первый парадоксальный закон Нано-диссонанса, согласно которому человеческий разум никогда не сможет создать защитную систему, на сто процентов работающую без сбоев. Второй же закон утверждал, что чем тоньше пороговый уровень используемого механизма (переходя, например от частей к молекулам и затем атомам), тем сложнее предсказать сбой. А значит, мы не можем наращивать защитные уровни бесконечное число раз. Парадоксальные законы не очень-то пришлись по душе общественности, ведь каждый хотел полноценных гарантий своей безопасности (которая, к слову, и так была куда выше, чем в докосмической эре).

Научные лаборатории усиленно работали над созданием нового носителя информации и на смену металлу вскоре пришли органические накопители. Они были более пластичны и ёмки одновременно, в какой-то степени процессы передачи информации стали напоминать существование простых живых систем. Это было давным-давно...

Третья эпоха, или третий информационный кризис, как принято называть его в учебниках истории, охарактеризовался пониманием, что органические накопители хоть и более удобны в повседневном использовании, эффективны и просты, но вместе с тем они достаточно уязвимы для взлома в виду ограниченного их числа, используемого технологиями.

Решение, предложенное учёными, вначале показалось безумным. Использовать человека (точнее локальные характеристики его мозговой активности) в качестве ключей для шифрования важной информации. Которое можно использовать в любых целях, начиная от безопасной передачи данных и заканчивая наложением границ в любых сферах.

Антропоморфное нейромодуляторное шифрование (АНШ)... вот как стала называться новая отрасль работы с данными. Имитационика возникла одновременно как способ борьбы с зашифрованной информацией. Да, её смысл изначально предполагал конфликтное использование. И если АНШ специалисты занимаются проблемами, как лучше защитить информацию, то Прикладная Имитационика (ПИ) – как её дешифровать и обезвредить.

Ключ всегда накладывается человеком с определёнными параметрами глобального (характер) и локального (настроение) функционирования мозга. Органическая система копирует, воспроизводит их в себе на микроуровне, отражающемся в связях и расстановках крупных молекул, имитирующих нейроны. Таким образом создаётся мини-копия мозговой активности человека-ключа. На заре становления науки считали дикостью утверждение, что наш мозг умеет бесконтактно воздействовать на предметы. Теперь мы точно знаем, что это не так... Излучаемое мозгом многообразие волн моментально (а особенно если задействован особый проводник) структурирует окружающее пространство, а в данном случае выстраивает органические молекулы определённым образом.

Причём, мы получаем структуру устойчивую от локальных колебаний, то есть смены настроения. Поэтому сам человек всегда способен открыть свой ключ. Однако, на это никто не рассчитывает, поэтому прототип ключа, его дубликат, сохраняется дополнительно.

Работа же специалистов имитационики происходит обратным образом. Необходимо воссоздать внутри себя состояние человека, наложившего ключ. Воссоздать достаточно точно для того, чтобы система спутала тебя с ним. Казалось, невозможно... Но в некоторых ситуациях это стало получаться. Причём, чем когнитивно проще был человек, тем легче было подобрать ключ. Как это возможно? Я уже упоминала, что наука не сразу поверила в то, что все мы являемся излучателями волн. Но мы не только излучатели... мы и поглотители. А ещё имитаторы. В достаточно концентрированном медитативном состоянии Имитатор способен уловить и вос-

произвести внутри себя состояние другого человека. Залезть в его шкуру, так сказать... Причём достаточно небольшого времени, того, что система-помощник проверяет откликаемость взламываемого объекта. Помимо этого, сам имитатор способен ощутить, в правильном направлении ли он движется. Ведь он настроен непосредственно на ключ и как только внутри себя он приближается к разгадке, начинает чувствовать усиливающийся резонанс. Волны, волны...

По сути, от мастерства распознавания приближения к ключу и зависит профессионализм имитатора. Меня здорово накрыло, когда я ощутила спазм дыхания именно по причине сработавшего резонанса между моим состоянием и ключом. Понятно, что сам Прототип (человек, наложивший ключ) не может все время задыхаться, это в нем заложено в потенции и может раскрыться в период переживания острых эмоций. Уф-ф-ф...

Как только стали применяться прототипические ключи, общественность разделилась на два лагеря. Недовольных было очень много. Кто-то кричал, что мы вернулись к древней эпохе ведьм и колдовства, поскольку все шифрование основано на бесконтактном взаимодействии биоволн, зависящих от полнейшей субъективности конкретного человека. Другие возмущались произволу, который может творить Прототип. Ведь он способен в любое время открыть зашифрованную информацию.

Ходили даже слухи, что всех Прототипов военные уничтожают, дабы получить полный контроль над объектом. Правдой было то, что Прототипы были тщательно засекречены и это вызывало подозрение у большинства людей, не знакомых с темой близко. Особенно возмущались Дроды – крупные скользкие и малоподвижные существа, имеющие земноводное происхождение и с виду напоминавшие больших жаб. Параиноидальность была буквально в крови их расы, поэтому дроды сразу заподозрили, что кто-то сможет проникнуть в их лягушачий (извиняюсь за неуважение) мозг.

Однако АНШ и ПИ вскоре были оправданы и нашли одобрение у основного населения Третьего Содружества в виду прекращения пугающих и непредсказуемых техногенных катастроф. АНШ оказалась куда более надежной системой, чем Электро-механические способы кодирования, хотя раньше люди полагали, что надежнее твёрдого металла ничего нет. Нет... Жизнь в очередной раз показала, насколько мы можем заблуждаться. Хрупкая и изменчивая психика человека оказалась способна формировать вполне устойчивые к сбоям и ошибкам структуры.

Вот только военные всех конгломераций стали усиленно воспитывать имитаторов, способных раскусить необходимые ключи. По сути, в цивилизованном обществе все военные действия свелись к установке и декодированию ключей. Но только не в Дальтерии... Где по прежнему остался наиболее популярным силовой способ реализации собственных интересов. Дальтерийцы отчаянно нуждались (не скажу, по какой причине) в естественных планетах, пригодных для жизни. Поэтому война была их основным способом существования. На протяжении веков они лишь углублялись вдаль от Совета, поглощая все новые доступные и слабые территории. Однако тот, кто шифровал подступы к Катарии был слишком сложным прототипом, разгадать который не удавалось более десяти лет.

Глава 3

Сухое безжизненное пространство, лишенное хоть капли жидкости. Растрескавшаяся земля, когда-то бывшая плодородной, колючий песок на зубах. Скрученная и истощенная душа, словно безжалостно выжатая тряпка. Из которой вытрясли все основное, и выбросили прочь. Сухость... и пустота. Пустая земля везде, где виден горизонт. Ничто невозможно здесь, никогда не родится жизнь снова. Сухой песок навсегда похоронит зарождающуюся надежду... Отсутствие влаги иссушит рассыпанные зерна, не давая им взойти. Горячий воздух окончательно превратит их в пыль. А душа... душа безвозвратно потеряет возможность чувствовать.

Я проснулась со странным ощущением внутри. Словно что-то зарождалось новое, неизведанное... дерзкое. Но при этом непростое, тревожное. Конечно же! – хлопнула себя по лбу! Мы же ночью приземлились на Катарию! На неизведанные земли, о которых так давно мечтали наши исследователи и военные. Наконец-то! Мечты сбываются, мы станем первопроходцами, наши имена произнесут в списках далеко не местных новостей. Возможно... нам удастся обнаружить новые природные явления, флору или фауну. И уж, конечно, это путешествие можно считать большим подарком нам с Овчанкиным. Можно назвать это предсвадебным путешествием, экспедицией, о которой мы давно мечтали.

И как неожиданно было его предложение... как мило. Возможно, все шло к этому давно. Но все же я не ожидала. Человек, ставший мне родным в течение последних нескольких лет. При мысли о свадьбе внутри словно расплескивались радужные искорки, а сердце радостно ныло в предвкушении. И все же, в сознании напрочь поселилась темная тень, словно и сейчас мне что-то не давало покоя.

Я открыла глаза, ловя слабый предрассветный свет. Рядом безмятежно посапывал Овчанкин. Я нежно поправила его одеяло и с любопытством покосилась в круглое окно нашего исследовательского корабля. Планета была живой. Очевидно, что сейчас в месте нашего приземления царило холодное время года, потому что снег шёл крупными хлопьями, окутывая белым одеялом землю вокруг, вплоть до стоящих неподалёку хвойных исполинов. Зарождался рассвет и бледно розовые, краснеющие лучи начинали щекотать шероховатую кору, путаться в огромных иголках, падать на землю хлопьями снега.

Сердце радостно заколотилось, впуская внутрь какую-то чистую и естественно-подлинную волну жизни. Внезапно воздух в комнате показался душным, несмотря на неустанно работающие очистители. Неимоверно захотелось вдохнуть полной грудью того, настоящего воздуха... Не синтезированного по образу газа с поверхности нашей прародительницы Земли. Не подобранного по составу специальными аэро-креаторами, создающими атмосферу под определённые запросы рас и даже профессиональных групп. А настоящего... стихийно сложившегося вместе со всеми его запахами, звуками и дуновениями.

Накануне генерал Гальминтус собрал нас всех перед посадкой и торжественно сообщил, что их разведка не обнаружила на Катарию никаких подозрительных объектов, и даже вероятных хищников. Планета полностью подходит для бескостюмного пребывания человека, у неё типично сбалансированная по газам атмосфера, в которой можно дышать. Разве что... она прохладная и большая часть покрыта вечной мерзлотой. Лишь экваторные участки прогреваются достаточно, чтобы на них могли существовать хвойные леса. Иногда даже здесь сходит снег и наступает короткое, но довольно тёплое лето.

Прямого запрета покидать пределы корабля не было и я уверена, что военные уже провели разведку окружающей местности ещё ночью. Конечно, и днём нам следовало выходить при их сопровождении. Но ждать ли дня... Сейчас конец ночи, время, когда у всех самый глубокий сон. Военный корабль стоит в стороне и вряд ли сейчас кто-то мной заинтересуется. У

меня в голове стал зарождаться план. Признаться, я просто безумно, дико хотела ощутить под ногами настоящую, а не искусственную землю, словно она была пропитана особой энергетикой. Вдохнуть естественного воздуха, а не смесь газов, поймать языком настоящую снежинку!

Не долго думая, я вынырнула из-под тёплого одеяла, быстро расчесала длинные светлые волосы, собрав их в высокий хвост, и натянула облегающий серебристый костюм, по словам производителя обладающий термосберегающими свойствами. Он был отнюдь не толстый, скорее наоборот чрезмерно подчеркивал рельеф фигуры, но из-за особого состава верхней ткани в инструкции не рекомендовалось комбинировать его с другими типами одежды.

Выдохнула и решительно открыла нашу дверь, не забыв чмокнуть спящего Овчанкина в макушку, отчего тот, посапывая, зашевелился во сне. Бросила последний взгляд в комнату, вышла. Быстро пробежала по коридорам нашего небольшого исследовательского судна, в которое вместились ещё пара десятков учёных-счастливчиков. В это время все спали, часы показывали пять утра. Оставалось небольшое препятствие – входная дверь. Конечно, она была закрыта. Конечно же, на ключ. Но что значит ключ для такого опытного имитатора как я? Тем более ключ, поставленный руководителем нашей кафедры, профессором Гартором, с которым мы прошли огонь и воду на многочисленных конференциях и практикумах? Я быстренько симитировала состояние профессора. Для этого мне потребовалось проделать небольшую медитативную технику, чтобы уйти внутрь себя и представить профессора как можно ярче. Раз – и на мгновение образ оказался полностью схвачен, а дверь мелькнула зелёным индикатором, указывающим, что проход открыт.

У-ф-ф! Я выдохнула и робко спрыгнула на первую ступень. Дверь мягко пискнула, показывая, что снова заблокирована, за спиной. Ледяной воздух резко опалил лицо, не привыкшее к натуральному морозу. Холод тут же добрался и до тела. Похоже, что разработчики термокостюма все же не рассчитывали на такую температуру, градусов 30 с лишним мороза. Я поежилась и озадаченно обернулась назад, размышляя, не одеть ли что-либо более существенное, но потом отвернулась от двери. Лишние движения и работа с ключом могут привлечь к себе внимание. А ведь я уже здесь – на свободе, в первозданной чистоте...

Тем более, когда я стала двигаться, сразу ощутила тепло, оно хоть и не согревало до конца, но по крайней мере позволяло не думать все время о морозе. Мороз был крепкий, трескучий, хватающий резкими иголками, моментально превращающий в кристаллы льда неожиданно выступившие слезы. Делаящий зрелищным дыхание, завивая из него белые облака пара. Я спустилась вниз и наступила на землю, моментально провалившись по колено в снег. А я даже не подумала, что у меня все шансы окунуться в снег прямо с головой.

Осторожно сделала ещё несколько шагов. Вроде земля даже стала выше, или снега меньше, либо вихревое поле во время приземления корабля сместило снеговые слои. Как бы то ни было, я довольно легко, хоть и с некоторым усилием, одолела несколько шагов в сторону леса. Безумно хотелось прикоснуться к этой земле, но руки уже начали мерзнуть, поэтому я приняла решение прогуляться до края леса, дотронуться до огромных исполинов, чёрными воинами вырывающимися из окружающего белоснежного пространства. Подсвеченные красным солнцем, они смотрелись так, словно после битвы рассеяли капли крови на снегу.

Далеко от корабля уходить все равно не следовало, даже если здесь безопасно, я могу элементарно замерзнуть или провалиться в яму, не зная местности. Поэтому я осторожно приблизилась к деревьям, напоминающим сосны и с дрожью прикоснулась рукой к шершавой коре. Полной грудью вдохнула немного терпкий, пробивающийся даже сквозь холод, запах. От наслаждения прикрыла глаза, чувствуя, как сильнейший трепет пронзает насквозь всю мою натуру. Какое же это счастье... Первозданная природа. Бурная красота. Холодное великолепие. Живое, выросшее совершенно естественным путём дерево. Я и сейчас мечтаю о собственном, хотя бы небольшом, но саде. О жизни на реальной, а не воссозданной планете. О тёплых лучах солнца по утрам. Жаль, что в наше время это стало настоящей роскошью. Ведь все сосредото-

точение общественной жизни сместилось на искусственные спутники, куда более надежные и безопасные. Да и Галактическая Природоохранная Лига запрещает массовую колонизацию планет ради сохранения видового состава тех немногочисленных островков жизни, которые возникли естественным путём. Лес показался настолько притягательным, что я не удержалась и сделала несколько шагов вглубь.

Внезапно накатили детские воспоминания. Я будто совершила перелёт во времени, моментально оказавшись в раннем детстве на своей родной планете Астри. У нас тоже были гигантские леса, пусть и не только хвойные, но неумолимо похожие. Бывала и зима с её кружащим хороводом снежинок. Там были родители, родные, настоящие, так искренне любившие маленькую девочку непоседу. Сердце болезненно сжалось, твёрдый комок предательски подступил к горлу. Не думала, что я такая сентиментальная...

А может дело в том, что после смерти родителей, я больше никогда не жила на настоящих планетах. Именно поэтому у меня такая тоска... Нет, я люблю свою вторую семью. Очень. Я ни разу не могу их упрекнуть в ненадлежащем ко мне отношении. Просто... просто начало моей жизни было другим. Живым, безоблачным. Открыто смотрящим в будущее и совершенно не знавшее проблем. Это были лучи золотого счастья, именно так я могу назвать то тепло, в котором меня купали родители и солнце над головой. Я выросла на природе, среди быстрых рек, великолепных скал и обворожительных деревьев, и моя душа навсегда была покорена ею...

Навсегда...

Кажется я произнесла вслух это слово, задумавшись окончательно. А ещё я совсем не заметила, как углубилась в лес и отошла на приличное расстояние. Пусть... Лес казался слишком родным и... великолепным. Солнце уже сполна выпустило алые лучи, словно тонкие лазеры проникающие сквозь частокол деревьев. Предательская мысль – остаться бы здесь... Хотя бы ненадолго. Обязательно поделюсь своими мыслями с Овчанкиным. Наверное, ещё спит, соня. Все спят... Не спится только мне.

Внезапно вдали между деревьев мелькнуло что-то, отражая красный луч. Качнулась ветка? Свет был слишком ярким. Показалось? Я прошла немного вперёд, вглядываясь и остановилась, когда темная тень переместилась между двумя стволами. Гальминтус обещал, что крупных хищников здесь нет. Тогда что же это? Военный? Несущий пост или разведчик? Скорее всего. Не стоит лишний раз мелькать у него перед глазами.

Осторожно я отступила назад, не пряча на лице улыбку. Все же это место было чертовски привлекательным. Чертов...

Разум моментально остановился. Нет, какие-то глупые мысли также продолжали плыть на заднем плане, лицо не поменяло блаженно-умиротворенное выражение. И все же... что-то глубоко внутри меня окоченело настолько, словно мое собственное сердце в один момент заменили острым осколком льда. Я смотрела на чёрную фигуру, внезапно выступившую из-за деревьев и улыбка медленно сползала у меня с лица. Само время будто замедлилось, став тягучим, вязким, неподвижным.

Это был не военный. Не наш военный. Совершенно чётко мелькнула мысль – не уйти. Кристаллизовалась, заполняя собой все сознание. Фигура неподвижно замерла метрах в тридцати от меня, но какое-то предательское чувство шепнуло сразу. Это конец. Абсолютный. После этой встречи моя жизнь больше никогда не будет прежней. Оборвется все...

Я не знаю, почему я поняла это сразу. Словно незримая дверь захлопнулась за спиной, отсекая все, безжалостно вырывая остатки былой жизни. Я это знала. Чувствовала глубоко внутри себя. Безусловное знание...

Можно было подумать о переговорах, пойти навстречу противнику и настаивать на своих правах. Это было бы весьма забавно... Но что-то внутри меня подсказывало – брось... это даже не смешно. Дальтерийцы не склонны к переговорам. Тем более этот.

Этот.

Я узнала его. Сразу. Моментально. Чёрная фигура, которой всегда пугали нас в новостях. Над кем смеялись мы, студенты, а также многочисленные карикатуры, ведь их авторы находились на безопасном удалении от объекта насмешек. А я нет. Сейчас нет. Чёрная, неподвижная маска, словно врослась, впечаталась в его лицо, скрывая напрочь малейшие эмоции, все то, что творилось за ней, в глубине точек – глаз. Сильное и, вероятно, быстрое тело напряглось, готовясь к броску. Даже здесь, на расстоянии, я чувствовала мощную волну какой-то темной энергии, того ужаса и содрогания, которое испытывали все, кто находился рядом с этим человеком. Идеальная машина войны... безжалостная, быстрая и безрассудная, не испытывающая присущих людям эмоций.

Только что он делает здесь?! Почему разведчики не смогли обнаружить явную угрозу? Вероятно, и я не смогу рассказать... Не успею... я даже переговорник не взяла. Как зря... Я судорожно оглянулась назад, в сторону запрятанного за деревьями корабля. Вряд ли успею добежать. Особенно, если чёрный правитель вооружён. Хотя бы до края леса... Есть шанс, что там меня заметят военные... Смогут ли помочь – другой вопрос.

Белые клубы пара изо рта, из носа, такие осязаемые и невероятно красивые. Такой же светлый дымок и у его лица. Удивительно, но даже издали мне казалось, что я слышу его дыхание – немного хриплое, протяжное, тяжелое. Дыхание хищника перед прыжком. Только вот в роли жертвы мне быть совсем не хотелось. Мое сердце, словно опомнившись, заколотило быструю дробь, норовя выпрыгнуть из груди.

Фигура, кажется, слегка наклонилась в мою сторону, и мои ноги тоже очнулись, я резко развернулась и что есть мочи бросилась наутёк. Сразу стала очевидной бесперспективность подобного занятия. Ноги утопали в глубоком снегу, я запнулась и упала. Холод уколол мириадами иголок, но я словно не почувствовала этого. Сердце дико колотилось, прогоняя горячую кровь. Поднялась, снова заторопилась вперёд, казалось бы, уже слыша сзади резкие шаги. Не выдержала, оглянулась. Чёрная фигура приближалась стремительно, словно пролетая над вязким снегом. Я вскрикнула от страха и припустила дальше, осознавая бесполезность своих попыток уйти.

Сзади раздался еле уловимый свист. Я поняла... Это было то, что хотелось слышать меньше всего. Я знала этот звук, ведь и у нас, как у науки под покровительством военных, были военные уроки. Скорее для виду, или я, как и любая девушка, не подходила к ним щепетильно. Но звук открытого силового меча я узнала сразу. Только не это!..

Тончайшие силовые нити, пришедшие на смену лазерному оружию, моментально и без усилий разрезают плоть. Побеждает тот, кто более ловкий... Мы, конечно, посещали и занятия по рукопашной борьбе, и по поединку на мечах, изучали вооружение различных рас и подвидов... Но все это было только в рамках небольших уроков, как я могу дать отпор опытному противнику?

В моем термокостюме, конечно встроен блок, позволяющий активировать подобный меч для внештатных ситуаций. И даже кнопка вызова базы есть. Кнопка!!! Как же я об этом не подумала. Я на ходу нажала кнопку и услышала тонкую вибрацию звонка. Это просто устройство связи, не имеющее отношения к военным. Оно направляет сигнал в общую аудиторию нашего корабля. Бесполезно!!! Никто не отвечает... метеор на них упади...

Деваться было некуда... беги я дальше и меч настигнет меня прямо в спину. Очевидно, что противник не вынашивает мирные планы в отношении меня. Он настроен решительно. Надо хотя бы попробовать дать отпор. У меня будет хоть небольшой, но шанс... За свою жизнь надо бороться до конца. Это правило.

Я резко развернулась, говоря ключ для активации своего меча. Фиолетовое сияние озаарило розоватый, пропитанный рассветными лучами снег. Меч Зэлдара был красный, как и подобает человеку войны. Он стоял напротив меня, не шевелясь, метрах в десяти. Ничего не говоря и не выражая. Лишь желание сражаться, разрушать, уничтожать.

Я разглядела его застывшую маску, похожую на человеческое лицо, скрывавшую все... Чёрные с отблеском одежды, длинный, почти до земли плащ. У нас так давно никто не одевается. Как-то... старомодно что ли... Маска скрывала не только лицо, но и всю голову разом, создавая, вероятно, прочный шлем с небольшим острым гребнем.

Бесполезно... Я совершенно открыта по сравнению с его броней. И все же, я ухватила двумя руками рукоятку своего меча, которая моментально сложилась из легких, до того разобранных металлических деталей, встроенных прямо в объемный ручной браслет. Застыла, глубоко дыша.

Противник двинулся на меня, уже не быстро, а скорее с предвкушением, уверенно, не опуская меча. Быть может, под его маской скрывалась улыбка... или полное равнодушие. Я ойкнула, чувствуя дрожь в коленях. Что делать, куда направить удар, как защищаться?... Кажется, сознание от понимания неминуемой катастрофы стремилось уплыть куда-то в небытие, оно отказывалось смотреть на происходящее. Время внезапно замедлилось, раскрывая, расширяя пространство над головой. Шаги Зэлдара вдруг стали медленными, пар, вырывающийся из рта, практически остановился, замер красивыми белоснежными клубками. Остановились снежинки, разукрасившие пространство вокруг миллионами изящных белых кристаллов. И лишь мое дыхание судорожно сжималось, ровно как и зрачки, не веря происходящему вокруг.

Меня выкинуло обратно моментально. Безжалостно. Мир вокруг тут же пришёл в движение, обещающее неминуемую катастрофу. Мечи столкнулись. Я лишь подставила свой под надвигающийся сверху удар. Сильный удар, грозящий перерубить мою голову пополам, словно спелый орех. Под тяжелым натиском я не устояла, бросилась вниз и, перекатившись, снова подпрыгнула.

Снова удар, уже не такой сильный, а словно играясь, но я упала. Опять. Лицом пропахав ледяной снег. Заколка сорвалась с волос и я запуталась в своих длинных светлых прядях. Пальцы рук напряглись до неимоверного предела, костяшки побелели, губы сжались, термостюм не спасал от мороза, но я этого не замечала. Вывернулась и снова подпрыгнула, на сей раз целясь в живот противника. Удивительно, но я даже начала чувствовать какой-то боевой азарт. Наверное, то, что ведёт солдат до последнего и придаёт сил на поле боя.

Зэлдар легко увернулся от моего замаха и сделал выпад в мою сторону. От испуга я отпрыгнула назад и плюхнулась прямо пятой точкой в холм снега. Внутри что-то разорвалось негодованием, я почувствовала себя в глупом положении. Злость придала мне решимости. Я резко схватила пригоршню снега, одновременно поднимаясь. Кинула снег ему в лицо прямо в неумолимые щелки глаз, скрывающихся за маской, другой рукой безрассудно целясь в грудь...

Зря... Зэлдар резко дернул головой, видимо, не ожидая от слабого противника подобной дерзости. И нанёс удар. По моей руке, что так решительно целилась в него.

В первый момент мне показалось, что я, очевидно, лишилась конечности. Настолько сильным и ошеломляюще болезненным был удар. Однако противник резко отдернул руку, держащую меч, так и не доведя дело до конца. Мои колени подогнулись, пальцы разжались, теряя оружие я непроизвольно вскрикнула, с ужасом наблюдая, как краснеет термостюм в районе правого плеча.

Даже мне, человеку неискушённому в медицинских вопросах, было понятно, что ранение серьезное. Была ли задета кость, я так и не поняла, но по той скорости, с которой вытекала алая кровь, просачиваясь сквозь костюм и падая тяжелыми каплями прямо в белый снег, стало ясно, что даже если меня не трогать дальше, у меня есть все шансы отправиться на тот свет от потери крови.

Однако на милость Зэлдара я не рассчитывала. Он совершенно безучастно наблюдал за моим барахтаньем в снегу в непроизвольной попытке приглушить боль. Словно огромный неподвижный ящер за предсмертными трепыханиями жертвы. Когда первый шок прошёл, я почти что умоляюще подняла глаза на застывшую чёрную громадину надо мной. На маску,

напоминающую человеческое лицо, за которой, вероятно, скрывалась жизнь. Только... изувеченная, оставившая страдания и чувства где-то далеко в прошлом. Смотрела на раздувающийся в порывах ледяного ветра плащ, красиво играющий в потоках воздуха. И на, ашер его возьми, пар, вырывающийся из-под маски и доказывающий, что передо мной стоит самый обычный человек, а не какой-нибудь робот-гуманоид.

Пар шёл и от крови. Так странно... горячая кровь на морозе парила. Падая на снег, жгла в нем дыры и дорожки, пока окончательно не погибала, превращаясь в кусочки очередного льда. Лёд... видимо, он был на месте сердца человека напротив. Последние огоньки надежды угасли, после того, как он решительно ногой отбросил мой все ещё активный меч, сделал резкий шаг в мою сторону, заноса над моей головой свой красный меч.

Так глупо... Первая мысль, которая у меня промелькнула в это практически остановившееся мгновение. Глупо. Кол тебе, Аля, кол. Нет, ещё хуже, ноль! Минус десять! Надо же так глупо, глупо, непутево заканчивать жизнь, блеснувшую такими перспективами, поманившую скорым большим пирогом. Который я совсем не успела попробовать. Катария... регион, который я разгадала, дал мне такой безжалостный ответ. Овчанкин... не объяснить ему, не попрощаться. Не попросить прощения. Жаль...

Я отвернулась от сверкнувших сухой желтизной в проемах маски глаз. Не это я хотела видеть в свой последний момент. Безумная красота вокруг... Нереальная... Умиротворенный пейзаж, крупные кружащие снежинки, манящие к себе, укутывающие мягким, идеальным в своей белизне полотном. Судорожный глоток воздуха, настоящего, живого, острого, такого, в котором я родилась. Багряное солнце, причудливой игрой света сплетшее паутину между деревьями-истуканами вокруг. Бросающее на них такие же красные капли света, как и моя кровь, неумолимо покидающая не желающее умирать тело. Поднимающаяся паром над ледяной землёй. Жаль... Бездарно. Как же бездарно...

Я склонила голову и по легкому звуку поняла, что меч пришёл в движение.

Глава 4

Красные лучи солнца на белом снегу. Все замерзло вокруг, и моя душа тоже. Давным-давно, что и не припомнишь. Пейзаж словно подаёт надежды на новую жизнь. Все мы знаем, как приятно тешить себя иллюзией. Этого не будет никогда. Катария навсегда останется большой могилой, похоронившей внутри себя последние надежды. Подарившая вечный сон моим чувствам.

Однако я свято чту это место. За ту силу, что оно мне когда-то дало. За ту решимость и безжалостность, которые во мне сформировало. Благодаря чему я стал самым собой... Чужаки... Никто не имеет права покушаться на святую землю. Никто не имеет права прикасаться. Делать глоток воздуха на ней. Никогда.

Так приятно рассыпается солнце красными брызгами на стылой земле, даря мгновения забвения. Так хочется снова увлажнить эту землю свежей кровью. Рассыпать осколками капли алой соленой жидкости. Будто эта земля сможет ожить... Нет... Потешить себя. Успокоить обезумевший ум привычной картиной. Война и кровь. И тело у ног, бьющееся в последней агонии. Достаточно занести меч...

Говорят, в последнюю минуту вся жизнь пробегает перед глазами. Это правда. Было в ней и безоблачное детство, в котором мы с папой валялись в снегу, теряя шапки. И где наша собака Монита родила семерых щенков, игривыми комочками разбежавшихся на золотистой поляне. И мама, рассказывающая мне со смехом перед сном добрую историю про непоседливую девчонку, любившую везде совать нос. И новая семья, так искренне любившая меня и старавшаяся всеми способами сгладить боль потери. Университет... Встреча с Овчанкиным... Вот какие-то смешные и совершенно обычные вехи моего жизненного пути.

Внезапно отпустило...

Накатило какое-то спокойное равнодушие. Я перестала злиться. Бояться. Я даже не сердилась на безжалостную фигуру, занёсшую надо мной меч. Неожиданно все сгладилося и внутри наступила невероятная приятная тишина. Спокойствие. Слово волны на воде внезапно улеглись, образуя абсолютно неподвижную прозрачную поверхность. Лишь чувство прекрасного не покинуло меня. Ведь эта планета, безусловно живая, была восхитительна в своей холодной красоте. Пожалуй, это то, ради чего стоило умереть.

Я смотрела в сторону яркого солнца, ожидая последнего удара. Даже не боли, а момента, когда оборвётся моя связь с этим миром...

Но...

Удара не последовало. Я поняла это внезапно, когда услышала удаляющиеся шаги. Он... Он ушел.

Странно, но я не почувствовала радости или облегчения. Никаких эмоций. Ровная пустота внутри. Или наполненность. Не знаю... Он так и не завершил начатое дело. Не знаю, что его остановило. Да и не хочу знать... Мои пальцы уже срослись с ледяной землёй, я их не чувствовала. Ровно как и своё тело, насквозь пронизанное стужей.

Я заметила силовой контур, плавно сдвинувшийся вдоль деревьев следом за уходящей фигурой. Прозрачная полусфера, чуть заметно искажающая воздух, двигалась в мою сторону. Я усмехнулась, устало, с горечью... Оказывается, у меня и не было шанса сбежать... Даже, окажись я быстрее, я бы непременно наткнулась на контур и получила бы убийственный разряд от прикосновения. Силовые контуры – это мощное средство защиты, используемое обычно на войне, поскольку для формирования они требуют серьёзных ресурсов. Даже подумать не могла, что противник пользуется таким на мирной планете. Хотя... После нашего приземления, она, наверное, перестала ему казаться мирной.

Я с каким-то пассивным равнодушием наблюдала за приближением контура. Значит... не меч, а силовой разряд. Я погибну, как только движущаяся сфера прикоснется ко мне. А это будет скоро... Я замерла, безучастно наблюдая за беззвучным приближением угрозы. Разве только...

Руки окончательно заоченели, голова не соображала после пережитого, внутри воцарился покой и принятое решение. Борьбаться не хотелось... Вот только... Как мои коллеги? Овчанкин?.. Я снова нажала сигнал вызова, он вновь пищал, не отвечая. Однако, я знаю, что даже при подобных звонках включается резервное копирование записи, для восстановления картины подобных происшествий.

– Дальтерийцы... – прошептала я, не надеясь на ответ. Мне хотелось предупредить, убедить. – Они здесь... Зэлдар. – Горло предательски сжалось, но я задавила остатки жалости к себе.

– Прощайте. – Выдавила я спустя пару секунд. Я знала, что на этом все и не могла больше говорить. Отключила связь, контур был уже близко. Ещё мгновение... Ещё чуть-чуть... Прозрачная стена приближалась слишком быстро и слишком медленно одновременно. Сознание трепыхалось, последней мыслью цепляясь за жизнь. Внезапно тело словно само собой отпрыгнуло в сторону. Я перекатилась в снегу, не давая контуру коснуться меня. Оказывается, на самом деле я не хотела умирать. Мое тело готово было хвататься за ниточку жизни до последнего, отказываясь самостоятельно бросаться под убийственную зачистку. Однако было нелегко двигаться вновь. Ноги словно задеревенели и передвигались с большим трудом. Вся я была похожа на поломанную деревянную куклу. Куклу... потерявшую себя. С большим трудом я поднялась и снова отскочила на безопасное расстояние от надвигающегося контура, замершего на мгновение и продолжившего двигающегося со скоростью уходящей темной фигуры.

Зажимая кровоточащую руку и буквально волоча заледеневшие ноги, которые я совершенно не чувствовала, я двинулась в единственно возможном направлении – за ним. За ним. Как бы парадоксально это не выглядело, но я, как побитая жизнью собака, поковыляла в сторону своего врага, отвоевывая последние секунды собственной жизни.

– Эй! Выключи контур! – вдруг прорезался мой осипший голос. И где он скрывался все это время? – У нас научная миссия! Вы не имеете права!

Он даже не обернулся. Не отреагировал никак, продолжая начатое движение. В отдалении я заметила небольшой чёрный шаттл, к которому, по-видимому, направлялся Зэлдар.

– Подождите!!! – закричала я, косясь на угрожающе приближающуюся сферу. – Вы не можете... Не должны! Мы лишь хотим обследовать планету!

Ноль внимания. Ни единого движения в мою сторону, ни остановки.

– Зэлдар! – показалось или он действительно напрягся? Однако, крепкий орешек! Продолжил идти, как ни в чем не бывало. – Зэлдар, стойте! Вы хотите оспорить наше право на территорию? Для этого есть стол переговоров! Отпустите меня и... я донесу Ваши пожелания до руководства.

Аннигилирующий квазар. Рука совсем онемела. Слабость и безразличие. Если так пойдёт и дальше, я прямо здесь бессильно завалюсь в снег. Нет. Нет, я не могу себе этого позволить. Надо идти до конца. Все или ничего. Я поплелась следом за чёрным разрушителем.

Конечно же, ни оборачиваться, ни тем более говорить со мной этот дикий человек не пожелал. Ровно как и уделять мне хоть какое-то внимание. Видимо, решил, что я никак не могу представлять опасность для него. Он прав. Я и себя-то еле волочу.

Таким абсурдным образом мы дошли до шаттла, такого же чёрного, острого и агрессивного по виду, как его хозяин. Точнее, он дошёл, а я вынуждена была идти в след во избежание столкновения с круговым контуром. Далее произошла и вовсе непостижимая вещь. Дверь шаттла открылась, Зэлдар переступил несколько ступеней и скрылся внутри освещенного пространства.

Дверь не закрыл.

Не закрыл. Я покосилась назад – контур и не собирался отключаться. Что же это творится... Неужели... Неужели это странный способ показать, что я пленница? Или он ждёт окончательной расправы... Но дверь. Дверь. Открыта. Разве такое бывает? Меня явно поджидает какая-то ловушка.

Наверное, самым лучшим решением было бы дожидаться столкновения со смертоносной прозрачной стеной. Кто его знает, какие изощренные воздействия будут предприняты над моим мозгом, чтобы узнать какие-то сведения, которые я вовсе не знаю.

Я смалодушничала. Тело разрывалось от боли и страха получить ещё большее страдание. Отсрочить... хоть ненамного... Если есть хоть небольшой шанс сохранить жизнь. Стоит ли на это рассчитывать рядом с жестоким сумасшедшим?.. Не важно... От всего случившегося я потеряла разум сама. Дотянув до последнего, я запрыгнула в чёрный остроносый шаттл в тот самый момент, когда на нем замкнулся контур.

Небольшое, ярко освещенное, словно в медицинском отсеке, пространстве. Этот... я не знаю как его назвать, вершитель судеб, не обернулся даже в этот раз. Может, в его шлеме камеры заднего вида установлены? Скорее, он просто слишком уверен, что я буду делать то, что задумал он. А ещё я для него мусор... ничто... Кем я могу быть человеку, который даже не соблаговолил хоть раз ответить или посмотреть на меня? Вероятно, я источник информации. Живой лишь до момента выяснения...

А как же мои друзья? Что с ними? Надеюсь, они услышат мой голос, предпримут меры. Находиться на Катарии совершенно не безопасно. Вряд ли они поймут, что случилось со мной... Контур, скорее всего, сотрёт органические остатки моей крови. А если нет, то тем хуже... Представляю, какие мысли родятся у моих коллег... у Овчанкина... Бедный мой, я не смогу тебя успокоить. Моя жизнь все так же висит на волоске. И не ясно, что было бы хуже...

Я затравлено оглянулась вокруг. Простое и на удивление не отталкивающее пространство. Ничего лишнего – кабина управления, где сейчас находился Чёрный Предводитель Дальтерийцев. Небольшой отсек с сиденьями вдоль стен. Здесь я и примостилась, когда ко мне с двух сторон подлетели автоматизированные круглые роботы-помощники, встроенные в шаттл для неотложной помощи. Дальтерийца они облетели стороной, а вот на меня обратили пристальное внимание.

Припечатав рану на руке саеновым лучом, моментально останавливающим кровь, небольшими манипуляторами они отогнули края одежды, очистили кожу и стянули микро-зажимами разрезанные ткани, начиная с глубины. Я мало что чувствовала, по всей видимости, помощники применили анестетик. Мне стоило радоваться такой внезапной помощи, но внутри что-то бунтовало. Разум был насторожен и не весел. Весь сегодняшний день, точнее ночь и утро не сулили ничего хорошего, кроме удовольствия наблюдать девственную красоту природы. Шаттл потревожил пространство чуть слышной вибрацией, означающей ускорение движения. Уже через пару минут мы покинули пределы планеты, я последний раз смотрела на темно-зеленую, мрачно-синюю и белую мешанину красок, которыми раскрасилась планета с большой высоты. Пока, Катария. Прощай. Как жаль, что наше знакомство было таким. Я не заметила, как усталость окончательно одолела меня, и сама того не желая, я провалилась в сон.

Малодушие... Почему я позволил его себе? Не довёл начатое до конца... Жалость? Это чувство мне неизвестно. Ни к кому, равно как и к себе. Что же тогда? Что заставило меня остановиться? Я не могу себе простить подобной слабости...

Слабость разрушает разум. Даже одного раза достаточно. Вскоре окружающие заметят, что ты не тот. Что ты позволил себе засомневаться. Всего один раз...

Всматриваюсь в удаляющуюся планету. Дорога ли она мне? Скорее, мне достаточно лишь знать. Только помнить о событиях, которые случились здесь много лет назад. Которые не оставили мне право на сомнение. Но я изменил себе... сегодня.

Оборачиваюсь назад. Хрупкая изломанная фигура, неудобно примостившаяся к стене. Слабая. Тоже не смогла идти до конца. А я давал выбор... Давал.

Мусор. Прицепившийся мусор. Засоряющий не только мой корабль, но и мои мысли. Заставивший меня оступиться. Скормить её что ли абакенам, к парсовым синуляциям! Устроить представление, развлечь солдат, убивая в них остатки слабой жалости разом.

Нет... Подождёт. В любой момент можно выбросить на помойку ненужную куклу. Пока достаточно убрать ее в ящик. До подходящего момента. Когда захочется разобрать ее и посмотреть, что внутри. Хотя я это и так знаю... Там – чертова пустота за яркой, напоминающей жизнь, оболочкой.

Я очнулась, когда шаттл слегка тряхнуло при подготовке к стыковке. Слегка потянула руку. Больно. Она вновь стала чувствовать, но сшитые ткани тревожились, ныли и я не могла нормально шевелить рукой. Повреждены мышцы, но при правильном лечении это поправимо. Будет ли это лечение у меня? Осталось найти ответ на этот вопрос.

Затем перевела взгляд вперёд. Тёмный человек, стоявший все так же спиной, резко приложил руку к приборной панели, выходя на связь. Затем буквально застыл, окаменел на несколько мгновений. Воспроизводит ключ – поняла я. Совершенно автоматически я подключилась к этому процессу, пытаюсь уловить настроение. Нас учили, что достаточно внутренним взором поместить себя на место другого человека, пытаюсь ощутить, что происходит на уровне его чувств. Ведь понятно, что сам человек является сосредоточением испускаемых мозгом волн и, направив внимание на эту точку пространства, нам проще очутиться в его шкуре.

Подключение – вот как это называется. Я посмотрела в сторону застывшей фигуры Зэлдара, но резкий укол в груди заставил меня отпрянуть. Словно змея вдруг решила свить на мне гнездо. Не удивительно! Боюсь, что если подключиться к такому монстру, имеешь все шансы или скукожиться заживо, или просто сойти с ума.

Зэлдар слегка повернул голову в мою сторону и я увидела профиль маски, чем-то напоминающей человеческое лицо... Но, скорее, похожей на рыцарский шлем. Шлем, которым защищали голову господ во время сражения в докосмическую эпоху. Мы проходили это на курсе истории Ранних эпох. Возможно, по поведению Зэлдар сам и напоминал дикого воинственного и непримиримого рыцаря, прячущего лицо под забралом. Хотя... пожалуй, рыцарь – слишком лестное для него сравнения. Дикарь. Не признающий цивилизацию и предпочитающий натуральное расселение.

Внезапная догадка посетила меня и я прикрыла рот рукой, чтобы не ойкнуть слишком громко... Поворот головы в мою сторону... Неужели он обратил на меня внимание? Не стоит показывать все свои навыки. Опытный прототип может заметить подключение. Действительно, лучше придерживаться теории, что я простой исследователь...

Между тем стыковка к крупному военному судну, аюстеру противника, состоялась. Я заметила хищный профиль огромного корабля, агрессивно расставившего боевые квазипушки по периметру. Хищный, как и все, что в какой-то степени имело отношение к этому человеку. Пора бы привыкать, грустно хмыкнула я.

Шаттл нырнул в отсек для быстрого запуска, позволяющий буквально за секунды прыгнуть внутрь и, управляя шаттлом, покинуть пределы корабля. Теперь же он вернулся на базу. Двери открылись и Зэлдар резко шагнул в ярко освещённый коридор. Его тут же поприветствовали солдаты, стройной линией выстроившиеся вдоль узкого пространства.

Солдаты имели чёрную форму и даже в пределах корабля носили шлемы. Хотя... Похоже... Это были не шлемы, а тщательно выверенная объемная иллюзия, я поняла это по

нетипичному для металлических частей блеску и небольшой прозрачности, сквозь которую мелькали точки реальных глаз. Солдаты не носили шлемы... Они просто были унифицированы и обезличены друг перед другом. Для большего контроля и подчинения. Они не видели лиц друг друга... Безликая чёрная масса, лучше бы уж были роботы...

Я сочла, что мне тоже пора на выход. Судя по поведению Зэлдара, у меня есть все шансы остаться незамеченной и запертой в шаттле без еды и воды. Вынырнув в коридор, я застыла в нерешительности. И что же это за люди такие, или не люди вовсе – ни один солдат не повернулся в мою сторону, ни один мускул не дёрнулся при моем появлении. Вот это дрессировка... Или я научилась быть прозрачной?..

Я прошла мимо солдат в темно-металлическом облачении по небольшому коридору вслед за Зэлдаром и застыла на пороге огромного ярко освещенного пространства, свет с непривычки резал глаза. Поддержанный по периметру резко уходящими вверх и изогнутыми на конце колоннами кривой купол, увенчанный круглыми иллюминаторами, ведущими в чернь окружающего космоса. А внизу... внизу ровные ряды солдат, неподвижные, вышколенные, с острыми поднятыми подбородками псевдошлемов. Почти чёрные.. все чёрные на фоне помедицински выбеленного пространства, в котором явно излишнее освещение. Видимо, чтобы лучше было видно сквозь темные шлемы.

По залу прошёл небольшой гул, солдаты заметили появление вожака. А он... вдруг резко обернулся, сверкнув желтыми, высушенными напрочь, глазами. Глянул быстро в мою сторону, оставляя кувырок сердца в моей груди, настолько его взгляд был неожиданным. Я отпрянула назад, наткнувшись на солдата, который незаметно оказался прямо за моей спиной. Закусила губу от накотившей тревоги.

Легкий кивок Зэлдара в мою сторону, обращённый к человеку рядом с ним в боевом костюме с красными вставками на плечах и спине. Помощник?.. Воевода? Ответный кивок и жест рукой к противоположному плечу, означающий подчинение... Зэлдар отправился дальше, ближе к все нарастающему радостному гулу солдат. Я увидела впереди возвышение трибуны, к которой ловко примкнул Чёрный Главнокомандующий, приветственно поднимая руки навстречу свои солдатам.

Меня подтолкнули следом, но далеко пройти не дали и мы расположились внизу трибуны с левой стороны, где, по-видимому, находился командный состав. Меня окружили три солдата и Красный Лацкан, как я про себя назвала ближайшего приспешника. Раздался резкий и будоражающий стук боевого барабана, ритмизировался, вгоняя окружающих в транс. Солдаты все громче и громче покрикивали в такт барабану, пристукивая ногами, превращая огромный зал в безумное действо, коллективное умопомрачение, массовый транс и зависимость.

Я почувствовала, что мне не хватает воздуха. Насколько необычным и диким казалось происходящее. Что я делаю здесь? Что будет с девушкой среди сотен агрессивных мужчин?.. Об этом мне думать не хотелось, в благородство Зэлдара верить было глупо.

Солдаты продолжали выкрикивать какие-то слова, среди них я разобрала: повелитель, слава, Великая Дальтерия, Зэлдар победитель... Внезапно бой барабанам перешёл в пронизывающий душу вой и солдаты, как один, упали ниц на колени... Окружающие меня люди тоже. Одна я осталась стоять на негнущихся ногах, словно затвердевших от шока. Вытаращенными глазами наблюдая за происходящим безумием. Солдат рядом, опустившись на пол, жестом показал мне следовать его примеру. Но никто не поднялся, чтобы подтолкнуть меня. Боялись гнева повелителя. А я была бы и рада упасть следом, чтобы не выделяться из безумной толпы, на фоне которой я и так смотрелась белой вороной.

Но мои ноги словно застыли, неожиданно затвердели, как остывший воск, я не могла ими пошевелить. В груди сдавило, стянуло будто невидимым обручем, воздух стал резко заканчиваться. Давно у меня не случались приступы удушья, давно... С тех самых пор, как умерли родители. Приемные мать с отцом тогда затаскали меня по лучшим врачам, чтобы излечить

от внезапных атак. Полгода я лечилась, принимала нейроусилители и проходила процедуры нейромодуляции, когда на мозг воздействуют волны правильной длины. Помогло... Казалось – навсегда. Но нет... События, учинённые тёмным дальтерийцем, сломили хрупкую гармонию в моей голове. Разрушили и выкинули прочь остатки надежды, и... гордости.

И я стала задыхаться. Снова. В какой-то момент я пришла в себя и кислород вновь наполнил легкие. Попыталась отследить этот момент. Голос. Все дело в голосе. Он заговорил. А я вздрогнула от неожиданности. Низкий, с хрипотцой, он играл переливами, завораживал и подчинял. Был слишком уверенный, хотелось его слушаться. Глубокий. И основательный. И в то же время... изувеченный... как и лицо. Я это сразу поняла, как только услышала. Мой дар Имитационники порой подсказывал мне лишние детали. Все снова встали, отдав честь своему правителю.

– Солдаты!.. Все мы знаем об угрозе с восточного к солнцу Салтехизы фронта... Борьба с нашествием паукообразных эххеров продолжается без сна и покоя. Легионы Атиротии бунтуют... – раздался гомон и ропот среди солдат. Среди чёрной однотипной массы. Всех их, безусловно, волновали эти острые проблемы. Зэлдар снова поднял руку, призывая зал к молчанию. – Но мы даже не могли предположить... Что Третий Галактический Совет, сторона, с которой мы всегда старались держать нейтралитет... готовит нападение на нас!

– Нет, нет!.. – слабо прошептали мои губы. Мне резко захотелось опровергнуть эти ужасные слова, разубедить его. Но голос был слишком слаб, с губ совались не слова, а, практически, стоны...

– А иначе, как можно расценивать бесцеремонное вторжение на Катарию! В регион, возделанный нашими предками!

Раздался недовольный гул. Похоже, все они действительно считали Катарию своей. А как же Седьмое Общемирное Соглашение, четырнадцатым пунктом которого значился нейтралитет пограничных земель?..

– Соглашение... – хрипло проговорила я. – Как же Соглашение! – постаралась выкрикнуть сильнее. Но меня не слышали. Не хотели слышать, лишь темная тень чуть заметно повернула своё острое забрало в мою сторону.

– Я хочу, чтобы вы знали... – продолжил свою речь Зэлдар. – Любой, кто посягнёт на наше достояние, будет уничтожен!

Толпа одобрительно взорвалась. Поднялся нестерпимый гул, солдаты дружно поднимали руки, окованные в браслетную броню и держащие киты – небольшое орудие, способное выпускать силовые мечи либо посылать ударные разряды на дальние дистанции.

– Любой! – снова проскандировал Зэлдар. – Каждый, кто преступит нашу черту... наш закон... нашу границу! И те, кто сегодня это сделал, не уйдут без ответа! Все! И каждый... Будет распят окончательно и бесповоротно!

Дальше я уже не могла слушать. Голоса стали удаляться из сознания, шум -стихать. Воздух превратился в вязкую жижу, темную, укутывающую, зовущую в непроглядную темноту. Последнее, что я увидела перед тем, как провалиться в нее окончательно, – колкий резкий взгляд желтых глаз, высушенных и расчерченных многочисленными пегими прожилками, словно безжизненная земля.

Глава 5

Сомнение – вот корень любой неудачи. Стоит засомневаться и тебя тут же свалит спокойный ветер. Ветер из твоих собственных приспешников, служителей и друзей. Друзей... Пожалуй, стоит вычеркнуть это слово из своей жизни. Друг – тот, кто признал свою слабость пред тобой. Но стоит ситуации измениться... как у друзей моментально вырастает ледяная глыба внутри и острые зубы снаружи. Каждый из нас – одинокий абакен, воющий только на свою луну. Имеющий единственную точку отсчета – внутри самого себя...

Любое неповиновение, отступление от правил должно караться со всей строгостью. Всегда... Никаких исключений. Каждый, совершивший проступок, получит достойное воздаяние. Ни одна крупца жалости не встанет на моем пути. Только так возможно доминирование. И никак иначе... Зачистка – вот сигнал для каждого. Пепел и пыль, в которые обратится любой... любая мысль, любое чувство, посмевшее перечить моему намерению...

Я медленно, но верно приходила в себя. Тело затекло и находилось в неудобном положении. Вероятно давно, потому что я с трудом могла пошевелить ногами, а шея окончательно застыла в левом повороте. Рука ныла, а ещё я очень хотела пить. Жажда была нестерпимой, во рту пересохло так, будто бы я пролежала здесь целую вечность...

Кстати, где это я? Большое темноватое пространство, похожее на комнату. Комната и есть, странная, огромная, лишенная мебели, словно это не комната, а спортивный зал. Широкая лестница наверх. И правда, зал... Ведь я и лежу на полу. Точнее, на тончайшем пружинящем покрытии, устилающем пол. Такое обычно делают в местах для спортивных тренировок. А я, значит, свалена здесь как груда ненужного хлама...

Внезапно воспоминания о случившихся событиях накатили с новой силой. Вспомнились и слова Элдара о необходимости поквитаться с нарушителями границ. Мамочки... надеюсь наши корабли сумели вовремя уйти. Мне во что бы то ни стало необходимо узнать их судьбу, сердце сходит с ума при мысли о том, что боевые корабли могли напасть на наше научное судно... Овчанкин, ректор и вся наша команда, что с ними?..

Я медленно поднялась, качнулась. Убрала с лица прилипшие волосы, осмотрелась ещё раз. Слабое искусственное освещение, горка впереди, где обычно отрабатывают прыжки и ближний бой, я видела такие и у нас. Несколько небольших выдвижных панелей и веревочные тренажеры у другой стены. Значит, здесь кто-то отрабатывает силовые приемы... Только зачем здесь я? Более ожидаемо было бы увидеть себя в камере для преступников, чем здесь. Впрочем... какая теперь разница, если моя жизнь и так висит на волоске. А в камерах боевого аюстера наверняка держат таких агрессивных пленных, что моя жизнь грозит оборваться до момента предстоящего допроса...

Я ещё раз вздохнула и обратила взор на лестницу. Здесь где-то должна быть раковина с водой, туалет, так мне необходимые... И робот помощник сейчас есть в каждом доме. Должен же кто-то регулировать хозяйственные работы... Или у дальтерийцев все по-другому?

Я робко поднялась по лестнице и оказалась в большой, слегка освещённой синими диодами комнате с куполом над головой. В первый момент я застыла от охватившего меня (странного в моей ситуации) восторга от лицезрения абсолютно прозрачного гигантской сферы, охватывающей весь верх комнаты и половину стен. Я словно оказалась с космосом наедине. Мириады звёзд, горящие словно рассыпанные в чернильной гуще огоньки. Пространство абсолютной бесконечности, на фоне которой ощущаешь себя мельчайшей пылинкой, выброшенной в глубины вселенского величия. Красноватый свет какого-то карлика, затерявшегося среди надменных гигантов.

Я не сразу обратила внимание, что комната жилая и посередине слегка возвышается над полом огромная кровать. Резко стало не по себе в чужом, хоть и весьма аскетичном пространстве.

– Водички бы... – пробубнила себе под нос я, словно извиняясь за вторжение. И тут мой взгляд скользнул немного правее к прозрачной стене, части восхитительного купола. Ойкнула, мурашки немедленно пробежали по телу, а сердце замерло на пару мгновений, словно спеша укрыться от увиденного. Поздно... уверена, мои шаги не остались незамеченными, однако темная фигура, практически неразличимая на фоне космической черноты, все так же продолжала игнорировать мое присутствие. Слабо подсвеченный силуэт вглядывался в уходящую в бесконечность темноту, такую же холодную и бездушную, как он сам. Силуэт, от которого даже на расстоянии веяло ледяным могуществом и отчужденностью.

Я постояла пару минут, стараясь унять порывистое дыхание. Единственная мысль билась в голове – мне надо сказать, открыть глаза на соглашение, вероятно, это поможет что-то изменить... Надо остановить конфликт, не дать ему развиться, доказать, что все не так... Я вовсе не сильна в политических вопросах, но судьба распорядилась так, что только я из всей нашей экспедиции могла это сделать. С трудом преодолевая робость, я набрала побольше воздуха и открыла рот:

– Вы ошибаетесь по поводу нашей экспедиции! – бухнула я без предисловий. Почему-то торопилась сказать нужные слова, опасаясь, что меня не будут слушать. – Все не так... Нет никакого вторжения... У нас исследовательская миссия на нейтральной территории. По Соглашению от 4326 года по Бейдельборгскому времени, Вы разве не знаете?...

Опасалась я не зря. Темная фигура медленно и почти угрожающе, это витало в воздухе, повернулась в мою сторону. Я снова ощутила себя как тогда – в лесу. Скрытая угроза моментально наэлектризовала воздух, делая его густым, тягучим, почти невозможным для дыхания... Я видела только чёрный силуэт, острые очертания маски-шлема, но почти физически ощущала проникающий в душу взгляд, испепеляющий, иссушающий все вокруг словно безжалостное солнце пустыни, не оставляющее шанса ни единому ростку... Я поежилась.

– Почему Вы не отвечаете? Вы считаете иначе? – набралась смелости я. – Давайте не будем провоцировать конфликт... Все давно устали от войн. И потом, куда и зачем Вы меня увезли... – вконец обнаглела я, решившись задать тревожный вопрос. Зря.

Зря. Волна выкручивающей внутренности мощи накрыла меня с головой. Я не знаю, что это было. Исследования по бесконтактному влиянию ведутся давно, но существенных результатов не достигнуто ввиду крайней редкости индивидуумов, способных показать воздействие, заметное без специальной аппаратуры. Хотя волновые датчики регистрируют изменения, доказывающие, что мы все находимся в перекрестных полях друг друга, но это влияние неощутимо неподготовленным человеком.

Здесь было все иначе. Я слышала и раньше, что предводитель дальтерийцев обладает особыми возможностями, позволяющими держать в страхе и подчинении своих солдат. Поговаривали, что в одном сражении силой мысли он раскидал войско громадных гэлтеров в разные стороны и их ещё долго находили среди затопленных кратеров и болот Сейтурии. Впрочем, мы сомневались в правдоподобности данной информации, Зэлдар наводил страх одним уже своим видом. Оказывается, нет...

Возможно, дело в том, что я, как имитатор, обладаю повышенной восприимчивостью к чужим эмоциям... Я и так, находясь рядом с Чёрным Дальтерийцем ощущаю себя как чешуйчатый кххееен, замоченный в растворителе. Но тут накрыло не на шутку. Словно иссушающая лавина воздуха, бездушный ветер пустыни, несущий лишь жар, колкий песок и смерть... Я с трудом устояла на ногах, чувствуя, что виски сжимаются, словно от металлического обруча, а из легких вымыла воздух горячая волна.

Сказать, что мне стало не хорошо – ничего не сказать... Я и так была не в лучшей форме после всего произошедшего, а теперь мне показалось, что желтый взгляд Зэлдара испепелит меня заживо прямо на этом месте. Грудь жгло невозможностью дышать, был ли это снова приступ, я так и не поняла. Я словно большая рыба открыла рот в попытке ухватить хоть немного живительного кислорода, одновременно хватаясь за голову, раздираемую крошечными взрывами внутри.

Ноги мои ослабли, внутри тела, казалось, все сжалось и скрутилось до невыносимости, приступ тошноты вплотную подкатил к горлу. Без сомнений, это не окончилось бы ничем хорошим для дорогого, но монотонно темного покрытия комнаты дальтерийца, но... внезапно все прекратилось. Приступ стих так же неожиданно, как и начался, оставляя после себя послевкусие усталости и сотрясенных мозгов. Этот гад так и не сдвинулся с места, не произнёс и звука. Клянусь, где-то в глубине темноты, скрытой за маской, расцвела кривая улыбка. Я вдруг осознала со всей очевидностью, что для этого человека не составит труда довести начатое до конца, испытывая при этом напроочь лишённое эмоций равнодушие.

Пожалуй, все слухи, которые о нем ходили, явились чистой правдой. Это безжалостная машина, не идущая на компромиссы и не знающая сочувствия, оставляющая лишь пепел позади себя. Бесплезно... Все бесплезно... Лидером темной нации мог стать только такой, не ведающий сочувствия и жалости, обладающий негибачимым смертоносным стержнем внутри человек. Кто я на его фоне?.. Мышь, путающаяся под ногами, посмевавшая нарушить покой. Мышь, над которой медленно, но верно захлопываются зубья мышеловки.

Я сделала шаг назад, чуть не упав на ступенях. Аккуратно спустилась, шаг за шагом, держась за небольшие столбы по краям лестницы. Внезапно накатило равнодушие и какая-то ничем не прикрытая пустота. Тело ныло и снова требовало отдыха, голова раскалывалась как переспелый арбуз.

Я не придумала ничего лучше, как прилечь прямо на пол, в том месте, куда меня свалили в первый раз. А что? Мне ясно показали, что я ничто, мусор, случайно занесённый внутрь боевого гиганта. Наверное, надо сказать спасибо, что не бросили в общую тюрьму, где содержатся военные заключённые разных рас, из которых ещё можно выбить полезную информацию. От меня бы там, вероятно, вскоре не осталось и мокрого места.

Голова пульсировала, то ли от жажды, то ли от потрясения, перед глазами бежали разноцветные круги в кромешной темноте. С верхнего этажа не раздавалось и звука. По внутреннему ощущению я поняла, что сейчас ночь, если ориентироваться на время Катарии, в соответствии с которым мы настроили свои биологические часы в последние дни перед экспедицией. Конечно, в искусственных городах, не привязанных к какой-либо звезде, вроде нашего Академического городка, время условно. Но день все равно моделируется с помощью гигантских светоизлучателей. Однако на кораблях вроде этого ты словно падаешь во временную дыру, не понимая, день сейчас или ночь.

За этими размышлениями я и уснула, проваливаясь все глубже в темную пропасть, воронкой затягивающую меня в неизвестность. В такую же густую и осязаемую черноту, словно гигантский кальмар выпустил вязкие чернила, опутавшие меня и тянущие на глубину, не позволяющие вырваться к спасительному свету водной поверхности и кислороду.

Я судорожно вздохнула. Слабый свет пробивался сквозь веки, а ещё я слышала шаги. Пожалуй, именно шум стал причиной моего пробуждения. Затаив дыхание, я немного приоткрыла веки, совсем незаметно, пытаюсь сквозь ресницы разглядеть происходящее. Ботинки. Рядом. Чёрные, блестящие, тяжелые, с металлической обложкой вокруг, пугающей зазубринами по краям. Случись рукопашная и уже сама такая обувь будет неплохим подспорьем, готовая поразить острыми краями противника.

Совсем близко... от моего лица. Стоит сделать шаг... Дальтериец остановился рядом, видимо, размышляя, откуда в его строгой упорядоченной жизни случилось такое недоразумение, как я. Я слышала лишь тяжелое, раскатистое, словно надвигающийся гром, напряжённое дыхание наверху. Внезапно мне стало страшно, что он сейчас ударит своим пугающим ботинком, находившимся в опасной близости от моей головы. Ударит, рассекая, обрывая и разом отбрасывая проблему в моем лице. Сердце предательски заколотилось, пытаюсь выпрыгнуть наружу. Казалось, его шум, испуганное трепыхание, был слышен везде, выдавая меня с головой. Я постаралась не дышать слишком громко в надежде, что Зэлдар не заметит мое пробуждение.

Несколько мгновений прошло в напряженной тишине. Я даже приоткрыла один глаз, чтобы увидеть надо мной возвышающуюся чёрную громадину. Внезапно, как и всегда, Зэлдар резко развернулся и порывисто направился к двери, чеканя каждый шаг. Конечно же, он больше не обернулся, приняв решение и больше не изменяя ему. Я услышала, как плавно разохались двери выхода и так же плавно закрылись, слабо пикнув напоследок.

Выждав пару минут, я подскочила. Проблемы вчерашнего дня никуда не делись, горло все также разрывалось от сухости, живот стягивало напряжение от отсутствия воды и еды. Недолго думая, я бросилась на второй этаж и без труда отыскала ванную комнату, в которой по стенам струилась бесконечной пеленой вода. Сами стены играли синими переливами атроцита, полудрагоценного камня, добываемого в далёкой Стерии. Пожалуй, комнату можно было назвать красивой и единственной украшенной изысканными элементами по сравнению с общим аскетизмом остального пространства.

Пульсирующая болезненная жажда заставила меня немедленно примкнуть к потокам воды, не дожидаясь включения отдельного крана. Стоило прохладным каплям попасть в рот, как сознание тут же прояснилось, жизнь перестала казаться сущим наказанием. Здесь же обнаружился и унитаз, а также большая прозрачная чаша с тёплой водой. И я, вконец осмелев, искупалась, найдя в консоли у стены столь необходимые мыло и полотенце. Все же если и ждёт меня незавидная судьба в виде допроса или очередного неудачного общения с дальтерийцем, то лучше делать это в чистом виде. На удивление, в ванной комнате не нашлось ультра-вибрационной чистки, позволяющей привести себя в порядок без помощи воды. Возможно, дальтерийцы не поддерживают эту технологию, учитывая их диковатый нрав. Хорошо, что хоть кнопка автоочистки ванной имелась, позволяющая без хлопот привести в порядок комнату после посещения. Было бы совсем смешно, если бы я вручную занялась уборкой ванной дальтерийца, пару-тройку раз за вчерашний день чуть не лишившего меня жизни.

После водных процедур мое настроение прибавило ещё пару десятков процентов и на первый план выступила очередная проблема – голод. Не для того же меня здесь оставили, чтобы я медленно и верно умирала голодной смертью? Хотя... кто знает, что у чёрного воина в голове. Нотки садизма ему явно не чужды. И все же... где-то должна быть приборная панель, или хелпбот, робот-помощник по бытовым вопросам.

Я с любопытством осмотрелась в верхней комнате. Сейчас, при свете, имитирующим день, можно было разглядеть в деталях темный пол с острыми узорами, вчера показавшийся мне однотонным. Огромную кровать, возвышающуюся над полом на чёрном деревянном основании, агрессивно выставившим острый скос по периметру, изголовье, отдаленно напоминающее череп какого-то животного, чёрное металлизированное переливающееся покрытие сверху. Больше в комнате кроме кровати смотреть было не на что. Разве что несколько блестящих изогнутых колонн едва касались изумительного прозрачного купола сверху, сейчас затуманенного ярким, почти что солнечно-жёлтым освещением внутри. Если не знать, где находишься, кажется, что такая солнечная комната, изумительная синяя ванная и почти невесомый купол, открывающий мириады звёзд, принадлежит человеку оптимистичному и не чуждому красоте.

Но... это одна из иллюзий, связанных с темным и отчасти загадочным образом предводителя дальтерийцев.

Я приблизилась к прозрачной части купола, образующей часть стены. Так и есть, приборная панель. Конечно, не главная на корабле. Та, вероятно находится в носовой части, образуя многолюдный командный центр. Эта – в приватном пространстве, тоже любопытная. Скорее всего, в чем-то дублирует функции основной. Если я смогу открыть защиту... Зря дальтериец меня сюда допустил. Кровожадные мысли роем закружились в голове, но я тут же себя оборвала.

Нельзя показывать свои возможности. Нужно действовать осторожно. Для меня это вряд ли закончится чем-то хорошим. Я это прекрасно понимаю, но... Нас всегда учили ощущать себя частью большего, в данном случае, моей родины... И я обязана сделать все, чтобы остановить противника. Все, что потребуется...

Сейчас прямо над гладким экраном приборной панели застыла объемная схема участка космоса с мелким аюстером посередине – мы. Я потянулась пальцами, стремясь уменьшить масштаб, но схема, по понятной причине, не поддавалась. Я прикрыла глаза, стремясь почувствовать защитные эмоции этого места. Уже привычно сжалось внутри и повеяло пронизывающим холодом, стремящимся выморозить сердце...

Нет. Я не готова. Я слишком ослабла за это время, а имитация, тем более такая ответственная, требует много энергии. Потом. Я обязательно вернусь к этому. Когда... мне удастся чего-нибудь съесть. Признаться, я уже готова была сожрать самого дальтерийца вместе с его чертовыми потрохами, настолько желудок свело от непривычного голода.

Я прикоснулась к приборной панели, чтобы активировать хоть какой-то ответ. Настроение само собой совершило имитационный прыжок, подстраиваясь под создателя панели, технического работника скорее всего. Мелькнул синий цвет и раздался слабый щелчок.

– Э-э-э... – проямлила я. У нас бы уже давно, с момента первого шага, к гостю подлетел или подъехал бы бот, реальный или хотя бы иллюзорный и произнёс длинную речь по поводу особенностей данного места и возможных запросов. Предложил бы на выбор несколько вариантов закусок и открыл гиперсреды с развлечениями на любом вкус. А тут, как и обычно с дальтерийцем, тишина... Впрочем, гостем меня тоже не назовёшь. Как же быть?

– Вызови управление местом! – решила я дать указание.

Прибор размышлял непривычно долго.

– Не по-ло-же-но, – почти что по слогам выдал механический голос.

– Мапочки... – ойкнула я и даже отпрянула. Неужели их технологии на таком низком уровне?! Ни вам помощников, ни нормального диалога. Но ведь убирается здесь кто-то, да и еда как-то берётся.

– Объект «мапочки» не найден, – сообщила глупая машина, а я лишь прикрыла рот рукой, чтобы не ляпнуть ругательство.

– Где взять еду? – разозлилась я и спросила скорее себя, но панель отреагировала.

– Е-ду, – повторила за мной машина, как бы пробуя слово на вкус. – Запрос не уточнён. Требуется сформулировать корректный запрос.

– Черт!.. – все же не выдержала я, упомянув старинное ругательство. Ну это ж надо думать, бестолковый робот меня не понимал. У нас давно распространена антропоморфная полиимитационная система искусственного интеллекта. Она прекрасно понимает контексты. А с развитием органических информационных систем, такая беседа напоминает настоящего человека.

– Черт, – повторила панель. – Морской черт – архаичное название блюд из морской рыбы. К сожалению, морской черт недоступен в органическом виде на данный момент. Доступно... – машина снова подумала, – имитация блюда «морской черт» на основе порошкового рыбного замеса.

– Чудо-юдо, – фыркнула я на глупую машину. – Я согласна съесть черта в любом виде, подавай! И клубни андеросса добавь, хоть какие...

– Объект «Чудо-юдо» не найден, – снова закричали механические слова. – Клубни андеросса имеются в наличии в количестве... 2324 килоандера, уточните запрос по размеру блюд...

– Да чтоб тебя дефрагментировало! – выругалась я про себя. Теперь я понимаю, почему дальтериец такой молчаливый. Разговаривать с этой занудной машиной совершенно невозможно.

– По половине килоандера, пожалуйста, того и другого, – смягчилась я, – отвар Атерийского корня одну чашку. И хлеб одну булку, надеюсь, что здесь это имеется...

– Надежда – плохой советчик, – неожиданно выдала панель. – Проверяю наличие объектов... Объект «булка» не найден, уточните запрос по зерновым изделиям...

– Плохой советчик??? – вытаращилась я. Да откуда!.. У этой тупицы такие мысли. Что за странные алгоритмы в её кремниевых мозгах? Вздохнула. – Уточняя, пятая часть тендера любого зернового изделия... Ты меня с ума сведёшь...

– Намерение «свести с ума» не найдено. Сформировать цель?

– Что?! – ахнула я. – Цель свести с ума? А-ха-ха, у вас с твоим руководителем это получается автоматически! И стараться не надо!

– Автоматическая установка... – начала что-то талдычить машина, но я перебила.

– Давай скорее еду! В нижний отсек! – перебила я. И уже тише. – Вдруг, Зэлдар Верховный вернётся.

– Вдруг – неточное определение, – выдал механический голос. – Зэлдар Верховный Экспандер Дальтерии в данный момент находится в зале для совещаний.

– Умница моя! – тут же засюсюкала я обрадованно. – А ты мне говори, говори, где Зэлдар как его там находится. Мне знать нужно. Вдруг... Ой, вдруг не стоит говорить, да? Так, давай еду, черта там и остальное в нижний отсек, что под лестницей...

– Командный блок для помещения ниже трехста гитанов от приборной панели не сформирован. Необходимо задать создание внешнего модуля, – упорствовала вредная машина. Если так сложно попросить еды, то как обстоит дело со всем остальным?..

– Внешнего модуля? Робота что ли? – потёрла я макушку. Задумалась, насколько дальтериец разозлится, увидев нового робота в своём жилище. Но делать нечего, не бегать же мне все время к его приборной панели. Впрочем, может и не стоит рассчитывать, что я здесь вообще буду бегать, есть или дышать. Жить. Жизнь моя все так же висела на волоске, несмотря на небольшое развлечение с глупой панелью. Вздохнула, помялась. – Хорошо. Разрешаю создание внешнего модуля.

Глава 6

Хрупкая кукла, снова изломанная, на сей раз на полу. Так и тянет завершить начатое. Пыль и разрушение – такое привычное состояние... Обратить в ничто, отнимая последние капли жизни. Кулаки сжимаются сами собой, разрывая ногтями сверхпрочную ткань защитных перчаток. Убрать преступное сомнение навсегда. Достаточно одного удара ногой, но что-то всегда останавливает меня, словно тугие пути натянулись внутри.

Как и тогда, в лесу, так и вчера, в мое сознание непрошено ворвался голос. Слишком мягкий, переливистый, возмущённый... раздражающий. Доводящий до иступления. Разъедающий внутренности одним своим существованием. Слишком... проникающий. Зачем мне это?..

Дело в волосах. Я знаю точно, все дело в них. В слишком светлых, почти искрящихся белизной, непривычно ярких для моего темного мира. Как тогда... когда мой собственный мир был распят навсегда без права возродиться. Такие же белые волосы были и у него. Завоевателя. И так же искрились на свету, ловили оранжевые лучи заходящего солнца. Прекрасно-убийственная картина.

Оставившая пепел в моей душе. Оружие, иссушившее не только плодородную землю, людские тела, но и душу. Мою душу, превращая её в паршивого скрюченного червя, ломая на корню все ростки, что только начали тянуться к солнцу. Рождая в ней трусость и бездействие... Глухую ненависть... Безжизненную опустошённостью... И Черноту.

Нет! Было бы слишком просто... завершить все разом... Стереть из этого мира ненавистные белые пряди, растоптать, уничтожить. Слишком легко... Неинтересно. Месть... вот что питает изувеченный разум, болезненное воображение. Даёт небольшое утешение и забвение... Вот что, пожалуй, остаётся мне. Разуму, пронзённому корнями безысходности, опустошенного бесчеловечностью – забвение... Забвение, что ненадолго позволяет забыть, кто ты есть.

Я уставилась на приборную панель, ожидая модуляции робота. Обычно рядовые роботы собираются из заранее заготовленных деталей. Более прогрессивный способ – маячок, строящий виртуальное объемное изображение на любой вкус. Такие роботы зачастую заменяют домашних животных или декорируют помещения, создавая объемные иллюзии. Поговаривают, что на далекой Кейтении научились делать иллюзии, неотличимые от реальности. Наши же неизменно просвечивают насквозь, не давая шанса усомниться в их мнимости.

Приборная панель чуть слышно зашуршала, открывая маленькое окошко, через которое выскользнул небольшой зонд и со всей уверенностью устремился вверх, к моей голове. Застыв прямо напротив лица мелкий робот противенько пискнул, раскрывая полупрозрачный сферический уловитель.

– Э-э-э, это что это такое? – возмутилась я, и отпрянула назад, догадавшись, что меня собираются сканировать.

– Запуск прототипирования, – пропищала вредная машина, а зонд устремился за мной словно навязчивая муха.

– Не смей! – испугавшись, с отчаянием крикнула я. Мало ли что у дикой машины на уме. Но, похоже, в царстве дальтерийцев меня не слушались не только люди, но и обслуживающие роботы, потому что уловитель чуть слышно задребезжал, очевидно, собирая обо мне личную информацию. При этом, клянусь, со всем сарказмом, машина поинтересовалась:

– Какое именно значение вкладывать в объект «смей»?

– Зачем это? – устало пробормотала я, понимая, что проникновения в тайны моего разума не избежать.

– Алгоритм сборки внешнего модуля включает в себя имитацию обслуживаемого объекта. Необходимо снять параметры функционирования высших нервных центров.

– Серьёзно? – приснула я, ситуация вырисовывалась весьма комичная. – Внешний модуль на самом деле собрался имитировать меня?

Иными словами, эта глупая, устаревшая машина каким-то нелепым образом претендовала на соответствие моим психическим особенностям. Имитировать имитатора... С другой стороны... интересно глянуть на инопланетную идею в действии, наши-то роботы всегда собираются по запрограммированному алгоритму, разве что анкетку дадут клиенту на предпочтения в завтраках, но ни разу не видела, чтобы бытовой робот кому-то сканировал мозги.

– Необходимо задать имя, – прогудела машина, отвлекая меня от размышлений. Навязчивый робот мухой скользнул в отверстие на панели.

– Имя?.. Как же тебя назвать чудо-юдо?.. Чудо-юдо... Назову тебя... Эндо! – вспомнила я слово, обозначающее устремление внутрь. Покусился же робот на мой разум?! – Эндо! Пусть будет Эндо! Эн-до!

– Команда Эндо принята, – согласился кремниевый мозг и снова зажужжал, очевидно, формируя программу поведения новой роботизированной псевдожизни.

– Вот и ладненько... – пробормотала я, чувствуя как живот раздирает очередной голодный спазм. – Давай побыстрее еду... то есть заданные блюда, пока твой прототип окончательно не лишился чувств от голода.

– Необходимо задать внешние параметры, – проскрипела занудная машина, видимо-таки решившая уморить меня голодом. Вся в мерзкого дальтерийца. – Форма?..

– Ты меня спрашиваешь? – поразила я. Да собственно, какая разница, каким будет бытовой робот! У нас, как правило, не мудрствуя лукаво, соединяются пара блоков для равновесия и манипуляторы. Особой красоты от хелпботов не добиваются, все равно им не переплюнуть объёмные иллюзии, где художники и дизайнеры дают волю самым своим изощренным фантазиям, создавая поистине реалистичные изображения. Вот там да, робот на любой вкус – хоть гоблин, хоть забавный дрод, хоть злой абакен или добрый доисторический принц. А мода на антропоморфных роботов давно в прошлом, когда их механические попытки воссоздать живую мимику были признаны нелепыми и жутковатыми. – Пусть будет шар, куда уж проще, – махнула я рукой. – Что ещё?

– Необходимо задать покрытие, – прогундосила машина, решившая выжать из меня все последние мыслишки умирающего голодной смертью разума. – В соответствии с Вашими биоволновыми нейронными параметрами, необходимо... – машина подумала. – Шерстяная меховая обивка!

– Что-о-о?! – поперхнулась я. – Какая ещё шерстяная? – я представила шарообразного мехового монстра, готовящего выпрыгнуть из закров приборной панели. Вряд ли дальтериец это оценит, обнаружив меховое пугало в своих покоях. Конечно, с другой стороны, это так по-девчачьи, смягчилась я. Но мы на войне, а не на пижамной вечеринке! – Не надо меха. Делай обычное покрытие.

– В случае отказа прототипа предусмотрено покрытие микрорассеивателями. – Подсказала панель.

– Пусть будут рассеиватели, лишь бы не яда, – кивнула я, прикусив язык. Машина понимала все слишком буквально. Чуть слышно проворчала: – и, пожалуйста, побыстрее...

Приборная панель вновь расступилась в стороны, пряча иллюзию корабля и освобождая место для сколачивания нового робота. Не успела я ахнуть, как из нутра управляющей консоли словно водопадом брызг полетели блестящие мелкие частицы, притягиваясь друг к другу, образуя конгломераты и скопления, в конце концов, в этом вихре заблестела светлым металлом середина, на которую словно пчёлы цеплялись все новые и новые крошечные песчинки.

– С ума сойти!.. – выдохнула я, когда через непродолжительное время во всем этом мельтешении стал проглядывать шар. – Это все внешние модули у вас так создаются?

– Внешний прототип Эндо – экспериментальная модель в единственном числе, – прихватила панель.

– Так значит, на мне будет ставиться эксперимент... – тоскливо возмутилась я, ожидая, что в цивилизации дальтерийцев обнаружились новые неведомые Содружеству технологии. Впрочем, если робот создан командным отсеком предводителя, значит, он никак не имеет права быть хуже других. Эксперимент или нет – не важно, учитывая мое весьма бедственное положение.

Между тем, мельтешение окончательно остановилось, явив на свет поблескивающий мелкими чешуйками шар.

– А как работает Эндо? – догадалась спросить я, любуясь на диковинку иноземной мысли. – Как он создан?

– Внешний Модуль Эндо работает методом имитации нейронных сетей прототипа, – ввернула мудреность машина, а я мысленно, дабы не научить вновь созданного собрата лишнему, отпустила пару незатейливых ругательств, поскольку все это абсолютно не укладывалось в голове.

– Ладно, – согласилась я, протягивая руку и пробуя искристую поверхность на ощупь. На удивление, внешний слой робота оказался мягким и чешуйки просели под рукой обтекая её. Я одернула руку от непривычного ощущения, наблюдая как медленно рассасывается след от моей ладони, возвращая модулю округлую поверхность.

– Надо взять на заметку, – пробормотала я. – А ещё лучше раздобыть схему робота и переправить её в содружество. Интересно, кто создатель? Очевидно, робот несет и его черты... Прототип разработчика! – сказала я неразумной приборной панели, чтобы вывести побольше информации.

– Прототип создателя внешнего модуля Эндо заложен в якорной структуре модуля, – согласилась машина, почему-то вмиг став сообразительной.

– Ага, – сказала себе я и тихонько позвала: – Эндо! Эндо... Жду тебя внизу. Еду, то есть обед, то есть означенный перечень пищевых продуктов, захвати, пожалуйста.

Шар размером с крупный пляжный мяч, клянусь, вздрогнул, тряхнув чешуйками и плавно подался вперёд в воздухе, очевидно, зависнув на антигравитационке. Я же, решив, что уделила достаточно внимания бытовому роботу, не мешкая, спустилась вниз. Все же велик был шанс застуканной злобным дальтерийцем прямо у командной панели, что никак не предвещало ничего хорошего.

Было время... Пожалуй, слишком давно, чтобы о нем вспоминать... Слишком иллюзорно, чтобы быть правдой. Все мы, рождаясь, склонны тешить себя цветными стеклами, раскрашивающими мир перед нами. Пустыми надеждами, бездумною верою... В то время, как он безвозвратно черен...

И лишь когда силы покидают нас, разум наполняется пониманием, что все было тщетно, цветные стекла оказались тщательно замаскированной иллюзией, скрывающей давно рассыпавшийся в сухую труху свет. Нам остается лишь хвататься дрожащими пальцами за остатки земли, что так вероломно утекает сквозь них в неизбежность. Смерти.

И я был таким... Сначала. Глупцом с несостоявшейся верой в торжество жизни. С абсурдной надеждой на справедливость. Пустые слова... Лишь жалкий дрожащий разум, не способный смело взглянуть на неприкрытую правду, вспомнит их. Смешно... Люди склонны тешить себя иллюзией, лишь бы никогда не узнать правду...

Правду, которая, убив их чувства, сделает свободным разум. Задав крохи надежды, приблизит их к бесконечной темноте космоса. Вывернув наизнанку, избавит от лишних привязанностей. Я не боюсь смерти. Поглотив мое тело, она сделает меня еще свободнее...

Вскоре, внизу на ставшем привычным для меня коврикe, я объясняла неразумному шару, что люди никак, просто ни под каким предлогом не могут использовать в пищу иссушенный рыбий порошок, совсем не походивший на рыбье блюдо. Машина крикнула, звякнула и вскоре перед моим взором предстал «мастерски» приготовленный обед. Клянусь, я никогда не поглощала с такой скоростью серую трясущуюся массу, деликатно названную запеченным морским чертом и абсолютно тошнотворную на вид. Центр голода в моей голове, очевидно, запретил художественному восприятию не только вставлять слово, но и думать вообще.

Утолив первичный голод и запив гастрономическое поражение напитком атерийским отваром, неожиданно приятным на вкус, я замерла, прежде чем задать вопрос, не дающий покоя все это время.

– Эндю, покажи мне новости Третьего Содружества, – попросила я, внутренне сжавшись от страха. А что если... деспот не оставил в покое наши корабли и...

– Доступ к информационным источникам Третьего Галактического Содружества запрещён, – немного поразмыслив сообщил Эндю, как мне показалось, с некоторым недоумением потряхнув чешуйками. Или, может, я невольно начала одушевлять гундосую машину за неимением приятелей по общению? Впрочем, запрету я отнюдь не удивилась. Дальтерийская Империя – авторитарная система, подавляющая личности, об этом нам настойчиво твердили, начиная со школы. Доступ к информации здесь строго ограничен. Складывается впечатление, что дальтерийцы живут в дефиците любого человеческого общения.

– Покажи мне тогда локальные новости, Эндю. Все, что связано с темой планеты Катария, – скомандовала я, садясь в позу лотоса и от нетерпения ёрзая пятой точкой по ланолиновому полу.

Мой электронный приятель задумался, словно размышляя, что именно мне можно сообщить. Затем блестящие чешуйки стали перемещаться, деформируя шар и превращая одну его сторону в плоский экран. Обладая минимальной технической подкованностью, даже я понимала, что рассеиватели способны передавать световые изображения не хуже кристаллов. Поэтому вскоре экран запестрил надписями:

«Позорное бегство завоевателей с Катарии»

«Военный корабль с захватчиками получил заслуженный импульс. Второму кораблю удалось ускользнуть»

«Неожиданное нападение на Катария»

«Третье Содружество нанесло удар»

– Чушь! – с негодованием воскликнула я. – Уж если и нанесло удар, то только по изнеженному самолюбию дальтерийцев!

– Чушь? – словно пробуя пирожок на вкус внезапно переспросила машина. – Что хочет сказать... – на пару секунд задумалась, – человек?

– Человек хочет сказать... – я встала и уставилась в горящий напротив экран, словно за ним спрятались наблюдающие с интересом глаза. – А, впрочем, неважно... Покажи новость, где корабль был достигнут импульсом...

Эндю покорно продемонстрировал сюжет, где модели летящих Аюстеров, военных судов, очевидно, участвовали в гонке, пока Аюстер дальтерийцев не разразился импульсом, словно треснувший переспелый помидор. Аюстер Содружества сместился с траектории, получив

существенный, но не смертельный удар и потеряв почти все левое оснащение, вошёл в безудержное вращение.

Дальтерийцы на этом успокоились и преследовать корабль, равно как и мелькающее на заднем плане такое родное исследовательское судно, одним своим видом заставившее мое сердце больно сжаться, не стали.

– Сокрушительный удар нанесён по военному агрессору, – прочитала я комментарий к анимированной схеме. – Однако милость Верховного Руководителя Дальтерии не знает вселенских пределов. Вопрос о попытке вооруженного захвата принадлежащей дальтерийцем планеты Катария будет поставлен на четвёртом событийном съезде Глав Империй.

От сердца немного отлегло. Главное, что исследовательский корабль не пострадал. Овчанкин... Я тяжело вздохнула, представив любимого. Гадает, что со мной стало. Учитывая обильно окропленное кровью место нашего сражения с темным дальтерийцем, ничего хорошего ему придумать не удастся. Больная рука, словно отвечая, заныла тупой болью. Будут ли меня искать, вызволять? Даже это оказалось под большим вопросом... Для всех, скорее, я погибла в неравном столкновении с сильнейшим неприятелем. Сама, к тому же, виновата – несанкционированно покинула корабль.

– Чушь? – отвлекла меня от грустных размышлений навязчивая машина. – Новость – чушь?

– Чушь, Эндо. Чушь – значит, неправда. Конечно, корабли гнались друг за другом. Но вот Третье Содружество ни на кого не нападало. Это было исследование нейтральных территорий.

Мы немного помолчали. Я продолжила грустные мысли о несостоявшемся замужестве, машина тоже что-то крутила в своих кремниевых мозгах.

– Мнение! – наконец изрёк Эндо, а я подняла на него глаза. – Человек сказал мнение. Мнение – субъективная точка зрения на какой-то вопрос.

– Какая субъективная?! – возмутилась я. – Так все и было!

– Человеку нравится его мнение? – будто бы не слыша меня спросил противный Эндо.

– Что-о? – я оторопела от такого возмутительного высказывания. – Мне бы понравилось, если бы ты... – начала я и осеклась от ругательства. Все-таки не стоило сразу портить отношения с бытовым роботом, который из-за какой-то программной ошибки вёл себя слишком нагло. По крайней мере, наши роботы никогда не высказывали свою позицию и уж, конечно, не провоцировали хозяев. – Мое мнение верное, Эндо. – Произнесла я уже спокойней. – Ты можешь спросить, как меня зовут. Тебя – Эндо.

– Узнать характеристики человека, – сделала обобщение машина и поделилась им вслух со мной. – Какое у тебя имя, человек?

– Аля, меня зовут Аля, Эндо. Аля значит Альтарея. Можешь меня называть по имени. – Я доброжелательно улыбнулась, хотя уже основательно точила зуб на мерзкого робота.

– По имени в ситуации, – алгоритмы кремниевых мозгов почему-то не хотели отвечать по-простому и скрипнув от натуги, выдали: – Сердитая Аля.

– Да, я сержусь, Эндо, в этом ты прав. Разве я могу радоваться тому, что нахожусь в безнадежном плену у жестокого человека и неизвестно, какая судьба меня ждёт? – сжимая кулаки я резко посмотрела на потряхивающий чешуйками шар, словно он являлся источником моих бед.

– Радость – субъективная функция жизни, – припечатала мудреность машина. – Человек жив, человек может быть рад. Когда Альтарея испытала максимальное значение радости? – последовал каверзный вопрос.

Перед глазами тут же всплыли тонкие пальцы Овчанкина, сжимающие мои руки, эхом пронесли трепетные слова. Глаза моментально увлажнились.

– Замолчи! – рявкнула я так, что Эндо подпрыгнул в воздухе, сотрясая всеми своими рассеивателями. Не оставляло сомнений, что робот был таким же безумным, как и его создатели. И на уме у кремниевых мозгов стояла задача доводить меня до белого каления.

– Я не могу быть полностью бесшумным, – Эндо воспринял мою угрозу слишком прямолинейно, – нейротипические элементы и антигравитационные энджеры могут издавать шум на уровне до 20 децибел.

– Можешь шуршать, – глубоко вздохнув, милостиво разрешила я, устраиваясь поудобнее на полу. Какой смысл злиться на единственного помощника? Силы нужны для другого. Необходимо многое обдумать на случай, если вернётся дальтериец и устроит мне допрос с пристрастием.

Глава 7

Чужая рождает воспоминания. Лишние воспоминания. Пустые... Врываясь в сознание, словно опасный осколок астероида, продырявивший жизненно важный двигатель. Злюсь. Белые нити тянут на себя, парализуют, образуя паутину образов, от которых я стремлюсь убежать всю свою жизнь... Но они вновь настигают меня неконтролируемым темным потоком. И ярость сильнее толкает обратно...

Крики матери и младшей сестры донеслись в тот момент, когда я сосредоточенно изучал нейронный элемент в импровизированной лаборатории. Как всегда, время пробежало стремительно и я засиделся до утра, когда красноватые лучи прорезали окутанное сизой дымкой пространство. Откинув микроскопическую схему, я со всех ног бросился из подвала на второй этаж нашего небольшого, построенного из недорогих углеродных пластин дома.

Захватчики напали внезапно и бездушно в самый разгар утреннего сна. Подозреваю, что большинство жителей так и не узнали, каким образом и от чьей руки отправились в темные глубины вселенной. Маленькая Сайна же по недоразумению проснулась, разбудив своими криками мать.

Я моментально оказался перед стеной детской комнаты, прозрачной с одной стороны. Картина, поистине достойная самого кошмарного сна, в тот же миг предстала перед глазами. Сайна на руках у матери, крепко сжавшая воротник маминого платья. Пронзительно синие глаза, наполненные слезами, застыли в немом недоумении. Мать с гримасой непередаваемого ужаса на лице, умоляющие глаза, побелевшие костяшки пальцев, луч света из окна выхватил испарину, моментально покрывшую высокий лоб. Такой же красный луч, как и силовое лезвие в руках человека напротив.

Мой мозг с поражающей тщательностью перечислял ужасающие детали, буквально приковав меня к месту. И он... Захватчик с поразительно ледяными волосами, застыл в онемении, не решаясь двинуться вперед. Готов поклясться, что несколько секунд он колебался, не решаясь нанести удар. Несколько секунд судьбоносного выбора. Для всех. А я... Я мог использовать это время. Но липкий страх ледяными ручищами, такими же, как и волосы захватчика, оплёл мои ноги невидимым канатом, парализовал, заставляя смотреть неподвижно. Сердце, казалось, пробило все рёбра в попытке вырваться наружу. Но... я стоял. И даже мой дар, мое проклятье, из-за которого меня ненавидели и боялись ровесники, в самый решающий момент тоже испарился, словно страх решительно уничтожил любую попытку сопротивления. Стёр мою личность с лица земли. Испарил мою суть, оставив вместо меня малодушное ничтожество.

Красный меч сверкнул неожиданно, деля мою жизнь на до... и после. Разрубая, рассекая хрупкие тела, словно мешающую прослойку воздуха. Настолько резким был удар. Вряд ли Сайна и Олифа сумели что-то ощутить. Лишь слабый запах обожженной плоти и моментально остекленевшие глаза говорили о том, что нечто неладно. Черт! Слово неладно абсолютно не подходящее...

Захватчик поспешил покинуть комнату, я едва успел нырнуть в нишу и скрыться с его глаз, сжимая рукой рот, готовый извергнуть вой безумия. Быстрыми шагами он спустился по лестнице, что-то зашипело, отбрасывая искристые отблески. Белый огонь... Убийца, теперь его, определенно, можно было назвать так, просто поджег дом, ускорив распространение огня кастовым окислителем.

Я бросился в комнату, не в силах сдержать рвущийся из груди рёв дикого животного. Сюрреалистичная картина, в которой мать с сестрой так и остались стоять, прислонённые к стене и ещё теснее друг к другу, с застывшими кукольными глазами, смотрящими прямо, перед собой. Неподвижные, немые, идеальные статуи, не живые... Последнее, что они видели – лицо захватчика, его прозрачно-стеклянные, словно потерявшие всякое выражение, глаза. И

кровь... следы крови, вмиг пропитавшие одежду ровно посередине. Хотя луч такой силы, как правило, запаивает срез наглухо. Посередине... них. Которые теперь превратились в неодушевленные объекты.

Я долго рыдал на коленях, бессильно глотая воздух ртом, ненавидя воздух за то, что позволяет мне дышать. И жить. Я стоял там так долго, что уже едкие пламенные языки стали забираться в комнату. Я желал лишь одного – чтобы они поглотились меня яростно и безвозвратно... Но... снова смалодушничал. Не смог умереть. Первые свои шрамы я получил именно тогда – выбираясь из охваченного пламенем дома. А душа... душа навсегда покрылась чёрной коркой, словно выжженная земля, в которую превратился наш дом. Она трескалась и болела каждый раз при упоминании Третьего Галактического Союза.

Я проснулась, когда гигантский фрегат (устаревшее название для военных кораблей) заметно трянуло. Обычно такие громадины приземлялись плавно, но сейчас что-то пошло не так и корпус получил ощутимую ударную волну.

– Сальдери, – прокомментировал вездесущий Эндо, примостившийся ночью рядом со мной за тренировочной горкой.

– Доброе утро, Эндо, – отозвалась. – Надеюсь, что оно будет добрым и не закончится для меня фаршеобразным состоянием...

Остаток вчерашнего дня ушёл на объяснения кремниевым мозгам, чем питаются и как живут люди. Эндо был чрезвычайно любопытен, если не сказать навязчив. Уж не знаю, что за программа в нем заложена, но Эндо живо интересовался всем, начиная с глобальной проблемы недостатка свежих продуктов и вырождения фермерских угодий и заканчивая способами синтеза пищевых порошков. На нем аж чешуйки тряслись каждый раз, когда он пытался вывести из меня новые подробности. Реалистично сделано, удивлялась я.

Не оставили мы без внимания и формы существования разных рас, наряды и даже этикет. Парящий в воздухе, словно непомерно жирная бабочка, Эндо никак не мог усвоить необходимость определенных вежливых ритуалов, существующих между людьми, что и немудрено здесь, в Дальтерии, где кроме муштры другого языка нет. Пришлось объяснять, что у людей (и других разумных) также как и у машин, существуют свои условные сигналы, коды, по которым мы проверяем готовность собеседника к доброжелательному взаимодействию.

– Зэлдар, например, не здороваются со мной, не интересуется, как мои дела, – объясняла я любопытной машине, внутренне удивляясь своему чрезмерно спокойному голосу, – потому что он не заинтересован в общении и не имеет ко мне расположения.

Да уж... мягко сказано. Боюсь, у него просто руки не дошли вытрясти из меня необходимую информацию, чтобы потом, не раздумывая, вышвырнуть прямо в глубины космоса.

От надоедливой машины мне удалось, в конце концов, добиться вполне сносного обеда, напоминающего овощной суп с кусочками реальных высушенных овощей, нашедшихся на корабле. И пока я подворачивала во всех местах раздобытый Эндо светлый мужской защитный костюм минимального размера, Эндо, поднаторев в поиске по общегалактической базе, осваивал искусство прачки, колдуя над моей родной испачканной и порванной одеждой микровибрационными воздействиями.

Колдун из него вышел не очень, потому что вскоре на месте бурых пятен засохшей крови образовались аккуратные дырочки, делая мой костюм похожим на решето или на аксессуар для эротических игр.

– Эндо!!! – зло завопила я, пытаюсь выхватить остаток одежды из чешуйчатых отростков, вытянувшихся прямо из пластичного тела робота.

– Подбираю междометие... – машина ловко увернулась от моего гнева. – Ой! – наконец изрёк несносный робот.

– Ой?! – взревела я. – Ты только что испоганил мой единственный костюм!!!

– Этот тоже походит к лицу, – практически нараспев, задумавшись на секунду, сострил пройдоха. Явно наковырял фразочку из пособия по этикету. Впрочем, сразу пообещал, что поищет схемы для создания новых костюмов в глобальном пространстве.

С дальтерийцем вчера мы так и не встретились, вероятно, он вернулся, когда я тревожно спала. Снился отец, мой родной каменный дом на живой планете. И я бежала, бежала прочь, настигаемая жадным живым огнём, уворачиваясь от ярких пламенных языков. Я задыхалась прямо во сне, не в состоянии отличить сон от реальности. Далее сон смазывался, превращаясь в череду беспокойных вздрагиваний и мимолетных просыпаний, когда даже Эндо учтиво предложил развлечь меня парочкой детских колыбельных.

Утром я слышала, как дальтериец уходил, негромко шуршали раздвижные механизмы дверей. Поэтому когда корабль приземлился на Сальдери (я вспомнила название из курса Космогеологии – одна из самых зелёных планет, сплошь покрытая тропическими лесами), я подпрыгнула в неясном предвкушении и бросилась на второй этаж.

Картина, впечатлившая бы любого человека, прошедшего как я большую часть жизни в техногенном городе. Гигантские листья неизвестных растений свешивались со всех сторон так неистово, что если бы не волна при приземлении, они бы с радостью поглотили огромный военный аюстер дальтерийцев. Крики диких птиц неведомым образом доносились даже сквозь защитный купол комнаты дальтерийца. И бабочка... Изумительно крупная бабочка, размером не меньше моего замаха, исключительно синей, переходящей в светлую лазурь раскраски, блестящая на солнце, словно невиданная драгоценность.

Я в восхищении раскрыла рот и мигом подскочила к стеклу, протягивая руки под настоящее живое солнце. Мигом напомнил о себе приступ ночного удушья. Грудь затрепыхалась сама в глухой попытке вдохнуть кислород и запахи, что были яро скрыты защитным стеклом. Как непросто, видеть красоту и не иметь возможности к ней прикоснуться...

А может... Я пулей заскочила в ванную и в спешке привела себя в порядок после сна. Спустилась вниз, к двери. Возможно, после ряда манипуляций у меня получится её открыть, но это обнажит мой секрет, рисковать не стоит. В задумчивости я подошла ещё ближе.

– Эндо! – позвала я, радуясь мелькнувшей мысли. Робот же мог покидать пределы каюты. – Пройди сквозь дверь! – скомандовала я подлетевшему шару.

Перед роботом двери послушно расступились и я, как мышь, скользнула следом. Спустилась по длинному пустому коридору вниз, пробежала мимо центрального зала к главному выходу. Здесь царило оживление: десятки чёрных солдат в настоящих, а не иллюзорных масках выбегали на улицу, направлялись вдоль охраняемой прозрачным полем дороги куда-то вдаль.

Я дождалась, пока выскользнут все, у входа осталась только охрана. Обернувшись на важно следовавшего за мной Эндо, я расправила плечи, задрала нос и натянув самое надменно-уверенное выражение лица, не сбавляя шаг, проскользнула мимо застывших солдат наружу. По всей видимости, у них не было распоряжений относительно меня, поэтому если они и удивились, то виду не подали, лишь задумчиво повернув в мою сторону головы.

Длинная дорога из искусственного пеха убегала внутрь леса, по краям гнули бока прозрачные силовые стены, образуя ровный коридор. Для защиты от гнуса, решила я. Несколько солдат выскочили за его пределы, настраивая силовые линии. Несомненно, и мне хотелось пересечь его, чтобы хоть немного постоять не первозданной земле. Какое же это удовольствие лицезреть тропики в первый раз в жизни сквозь защитный коридор?!

Неподалёку от корабля ещё оставались солдаты, оживленно обсуждающие друг с другом военные стратегии. Ещё чуть дальше я заметила его... Желтый взгляд словно лезвием скользнул по моему лицу, видимо, Зэлдар Эспандер не ожидал застать меня здесь. Дальтериец резко

отвернулся и продолжил разговор со своими подчиненными, я же оценила, что мне дали карт-бланш на незапланированную прогулку. Скорее всего, я была сродни пустому месту – и опасности не представляю, и сбежать в диком лесу не смогу, поэтому вскоре на меня совсем перестали обращать внимание.

Я прошла немного вперёд по шероховатому, дающему хорошее сцепление для бега, пегу. Впереди мелькала прозрачными куполами промежуточная база, место, где солдаты могли хранить специальное оборудование или припасы. Вокруг – буйство красок первозданной, реликтовой зелени, гигантские папоротники и мощные лианы, паразитирующие на стремящихся в небо листовых гигантах, крупные насекомые, стремительно носящиеся вокруг, пронзительные краски, бесконечная голубая синь сверху, запах влажности и пыльцы неизвестных мне растений. За исключением ранних лет, мы практически не путешествовали по натуральным планетам, не считая пары экскурсий, поэтому сейчас я взирала на все, неприлично открыв рот, не в состоянии надышаться мягким воздухом. Предательски стучала мысль, что я потеряла слишком много, проведя почти двадцать лет в условиях искусственных станций. С того момента, как не стало родителей...

Вдруг давно забытый, но такой родной, знакомый с детства запах заставил меня остановиться. Я огляделась. Фиолетовый родетон рос буквально в нескольких метрах от коридора. Я помню эти цветы, густо украшавшие поляну неподалёку от нашего дома. Сразу в голове возник образ мамы с длинными белыми волосами, она смеялась так беззаботно, кружа меня на руках на фиолетовой поляне. Мы задевали высокие стебли с фигурно выкрученными цветами и вокруг желтым облачком разлеталась вкусно пахнущая пыльца. Потом мама ставила меня на землю и с криком «Догоняй!» бросалась прочь, в глубину фиолетового моря. Мы смеялись так сильно, что падали вниз, когда в груди заканчивался воздух, приминали родетоны, счастливо смотрели друг на друга и хохотали, хохотали снова...

Воспоминание отозвалось влагой в глазах и я поняла, что неожиданно для себя самой оказалась рядом с цветком. Я вышла за барьер, пронизываемый для людей, и прикоснулась к родетону руками как к чему-то хрупкому, как к тонкой нити, которая связывала меня с чем-то глубоко внутри, что было моим, истинным. Настоящим. Где я была все это время? С тех пор, как не стало родителей... Жила или это можно назвать сном наяву?

Резкое шуршание внизу заставило вздрогнуть. И в ту же секунду я оказалась бесцеремонно перевёрнута на спину. Во время падения я больно ударила головой о какую-то деревяшку, а увиденное заставило меня вскрикнуть от ужаса. В ботинок вцепились жвалы огромного чёрного жука, размером со среднего абакена семейства псовых, не меньше. Сразу стало ясно, от какого именно гнуса дальтерийцы установили защиту.

Я взвизгнула снова, движения жука были резкими и не иначе как защитная ткань ботинка, раздобытого Эндо, не позволяла ему прокусить ногу. Недолго думая, чёрное чудовище стало пятиться назад, очевидно намереваясь затащить меня поглубже в лес, чтобы совершить с моим телом пищевые ритуалы. Я задержала ногами и не менее беспомощно руками, но прочные хитиновые челюсти сбросить с себя было невозможно. Пнула жука ногой и тут же ощутила боль от намертво вцепившихся в ногу жвал.

Выгнув голову, увидела скопившихся в коридоре дальтерийцев. Чёрные маски, за которыми сложно было угадать эмоции, наблюдали за мной словно за театральной постановкой. Пара солдат было дернулись в мою сторону, очевидно, намереваясь помочь, но осеклись. Чёрный предводитель стоял неподвижно и не дал никакой команды.

Сердце забило с отчаянием, когда я поняла, что спасти мою безуспешную жизнь некому. Жук протащил меня уже несколько метров по жёсткой траве и бугристым корням, когда я жалобно завершала:

– Эндю!!! Сделай что-нибудь! Ослепи! Ослепи его! Вспышка!!! – дурацкий совет, учитывая как ярко светит солнце. Но Эндю послушно воспроизвёл яркое свечение, не возымевшее никакого действия на монстра.

– Лазер, Эндю, лазер! – подкинул мой бьющийся в агонии мозг ещё одну идею.

– Необходимо задать мощность, выбрать координаты направления! – бубнила дурацкая машина вместо того, чтобы быстро сообразить, как спасти мне жизнь. С лазером связываться опасно, конечно, можно и себе ненароком что-нибудь отрезать. Но выхода не было.

Внезапно дальтерийцы зашевелились, вероятно, устав наблюдать непотребное в своей глупости зрелище. Краем глаза я заметила, как от прозрачного коридора отделилась фигура предводителя. Резкими уверенными шагами, все так же молча, он пересёк расстояние, которое тащил меня жук, моментально оказавшись рядом. Мимолетное сильное движение заострённым как бритва ботинком... Он знал, был уверен, куда бить. В узел, соединяющий жвалы.

Громадный жук не только моментально раскрыл хитиновые челюсти, но и словно легкая кукла отлетел на несколько метров назад, ударился в ствол дерева, в недоумении перевернулся, засеменив противными лапками и подтягиваясь с нелепого положения, а затем скрылся в глубине зарослей.

Не веря в своё счастье, я резко подскочила на колени, пытаюсь взглядом выхватить глаза спасителя, но он уже отвернулся. Так же быстро Зэлдар вернулся к солдатам, среди которых раздавались еле сдерживаемые смешки, моментально стихшие от одного поворота головы чёрного предводителя. Мотнув головой, он подозвал солдат и стройная шеренга направилась к куполам базы, не теряя больше времени на созерцание нелепой, никуда не годной и не видящей дальше своего носа девицы.

Я подскочила с места, пытаюсь отряхнуться от налипшей грязи, и на дрожащих ногах поспешила укрыться под пологом защитного коридора. Сердце заполошно билось, выдавая пережитые волнения. Я присела на дорожку, не в силах стоять на ногах и пытаюсь унять слишком частое дыхание. Как ещё приступ не случится, они так участились в последнее время. Все из-за этого дальтерийца и его защитных ключей, неумолимо сжимающих грудную клетку, не оставляющих кислорода, выжигающих едким пламенем желтых глаз все внутри.

Эндю усердно кружил рядом, беспокойно (или мне так казалось) потряхивая рассеивателями.

– Толку с тебя... – обвинительно проворчала я. – Мог бы и помочь, мне ведь было больно.

– Боль-но? – растягивая слово переспросил Эндю, жикнул мозгом и смекнул. – Раздражение болевых рецепторов, приводящее к субъективному ощущению.

– Боль... это когда тебе что-то невыносимо мешает жить, – попыталась я объяснить роботу то, что он никогда не сможет ощутить. – Боль бывает физическая и душевная. – Отчего-то разоткровенничалась я. – Физическая боль связана с телом. А душевная... – это чувства. Чувства, которые ты не можешь воплотить в жизнь, и оттого чувствуешь... дыру внутри себя.

Эндю помолчал, вероятно, сопоставляя мои слова с той базой знаний, на которую опирался. Поняв что-то вдруг спросил:

– Тебе больно, Аля?

– А? Что? Нет... уже не больно, – рассеянно ответила я, тщательно заталкивая назад волну грусти, накатившую изнутри. Снова вспомнилась и мама, и Овчанкин, и все-все, что было до того глупого решения прогуляться морозным утром. – Пойдём, Эндю. Разведаем, что там происходит.

Глава 8

Глупость отличает других от меня. Разум слепнет, будучи захвачен в плен мимолетными эмоциями, как тиной, утопая в мутной воде. Беспристрастность позволяет держаться на плаву, в то время как остальные давно ушли под воду.

Чужая – яркий пример человеческой ограниченности. Разрешаю себе с удовольствием наблюдать, как глупость находит свою награду. Жвалы древоточника. Чувствую, как в жилах разливается неподдельное наслаждение. Возмездие за опрометчивый поступок настигает ее так быстро, что глаза, полные мольбы и отчаяния, подбрасывают лучшее топливо в мои вены. Лишь я решу, позволить ли нанести увечье... Чтобы потом еще долго наслаждаться тонкими криками. Криками, похожими на гимн человеческой глупости.

Но... время не ждет. Бой начался и меня будоражит ощущение куда большего поединка, крови, криков и борьбы... Да... И для чужой не время. Мне еще нужно подготовить для нее свой собственный, изматывающий, сюрприз. Выхожу на траву и резким ударом вышвыриваю жука прочь. Разве это противник? Сплошное недоразумение. И за время, потраченное на него, чужой придется хорошенько отплатить.

Я нехотя поднялась и заставила себя пойти к куполообразной базе. Признаться, после происшествия прогулка уже не вызвала оптимизма... Но надо было чем-то занять голову, пока внезапная меланхолия не поглотила меня.

Молча мы дошли до шарообразных прозрачных построек. Вернее, дошла я, Эндо подозрительно тихо плыл в воздухе, чуть слышно позвякивая рассеивателями. Не иначе как размышлял о смысле жизни и выдумывал новую порцию каверзных вопросов для меня. Однако, как только мы беспрепятственно вошли под огромный купол, моя апатия моментально уступила место сильнейшему потрясению. То тут то там раздавались невыносимые стоны, а сервисные роботы сновали, переноса искореженных, изувеченных солдат. Следы крови моментально затирались, но все равно я успела заметить красную дорожку от пролетевших мимо носилок. Я пробежала вперед, чтобы увидеть уложенных в ряд молодых мужчин, не имеющих сильных внешних повреждений, но корчившихся так, словно их только что ужалила ядовитая змея. Несчастные были густо переплетены проводами, по которым с быстрой скоростью неслась кровь, вероятно для очистки, подавались какие-то лекарства, а кому-то кислород.

Я выцепила первого же бежавшего мимо, на вид здорового, солдата, крепко схватив его за рукав защитного костюма.

– Что здесь происходит? – требовательно спросила я, не в силах оставаться безучастной к происходящему.

Солдат помялся, явно застигнутый моей дерзостью врасплох и не привыкший действовать без явной команды.

– Ресторы напали на арантьягов, – наконец, нехотя ответил он, осознав, что я, скорее, оторву ему рукав, чем останусь без информации. – Много ресторов!!!

– Ресторы? – задумчиво переспросила я. Ну, арантьягов-то все знают. Это гигантские парнокопытные, отдаленно напоминающие лошадей и используемые во многих отсталых (деликатно называемых аутентичными) регионах для транспортных нужд. Отчего-то некоторые народности и даже целые расы использованию высокотехнологичных машин предпочитают выведенных на ферме животных. А вот, кто такие ресторы... Нехорошее предчувствие тревожно засосало под ложечкой.

– Осы! – немного раздраженно выпалил солдат. – Гигантские осы! Извините, лэнна, мне пора.

С этими словами он быстро ринулся в направлении, которое открывалось за куполом. Про себя отметила, что солдат обращался со мной довольно вежливо и употребил нейтральную форму обращения к женщинам – лэнна, что никак не подчеркивает социальный статус или другие особенности.

Гигантские осы, значит... Выходит, чёрный жук, желавший сегодня сладко отобедать глупой лэнной и чьи планы были так дерзко нарушены нехотевшим черным ботинком, не единственный представитель опасной членистоногой фауны Сальдери. Странно, почему наша наука ничего об этом не знает...

Пару мгновений поколебавшись, я ринулась вслед за солдатом. По всему выходило, что за защитными стенами мне ничего не грозило. Тогда где солдаты получали увечья, неужели они лично боролись с ужасающими насекомыми?..

Вскоре мои мрачные догадки подтвердились. За быстро ускользающим солдатом я неслась недолго, постепенно понимая, что мы находимся на возвышенности, резко обрывающейся вниз с окончанием защитного коридора, и растекающейся на вершине обрыва небольшой площадкой, с которой быстрые транспортные роботы опускали солдат вниз и поднимали раненых. Совсем близко к прозрачной силовой стене подлетела оса и я инстинктивно отпрянула от чудища размером не меньше трёх огромных абакенов. Серьёзный противник со смертоносным жалом и огромными челюстями, которым, уверена, не составит труда прокусить защитный костюм. Шарообразные глаза сверкнули множеством мелких сетчатых глазков, а брюшко монстра нетерпеливо подрагивало в желании поразить очередную жертву. На миг застыв, оса стремительно бросилась вниз, а я, замирая от страха, побежала на смотровую площадку на краю обрыва.

На первый взгляд многочисленное мельтешение внизу понять было непросто. Огромная долина взрывалась невероятным воем диких арантьягов, похожих на рваную смесь крупных лошадей, жирафов и мускулистых тапиров, выгибающих длинные шеи, в иступлении бьющих копытами. Рой обезумевших ос неистово бросался вниз, атакуя несчастных животных. То тут, то там ужасали глаз агонирующие от осиногo яда арантьяги, изгибающиеся в траве. И между всем этим безобразием чёрными тенями скользили они – солдаты дальтерийцы в отчаянной попытке поразить летающих насекомых средствами наземного боя, то есть силовыми мечами и импульсами. Безумному сражению, казалось, не предвидится конца, настолько многочисленны были насекомые.

Я росла в мирной обстановке и никогда не была свидетелем битв, поэтому застыла с открытым ртом, глядя на кашу из людей, зверей и насекомых внизу. Взгляд невольно выхватил и его – Зэлдара, неистово бьющегося с подлетевшим рестором. Глазастая голова с подвижными усами резво отлетела в сторону, в то время как тело, словно в недоумении, продолжало ползти по земле. Но Зэлдар уже переключился на новое насекомое с такой яростью, словно хотел выместить на нем накопившееся годами зло. Я поймала себя на мысли, что невольно вздрагиваю каждый раз, когда смертоносное насекомое устремляет ядовитое жало в сторону Зэлдара, сердце же и подавно прижалось к рёбрам в страхе пошевелиться. Нелегко смотреть на смертельную схватку, оправдала я себя, хотя по всем правилам должна была желать, чтобы безобразная оса, наконец, избавила меня от ненавистного дальтерийца, раскусив острыми жвалами его пополам!

И все же... Понятно, что на такую огромную долину, раскинувшуюся вплоть до стоящих на отдалении гор, наложить защитный купол вряд ли получится, но почему бой ведётся личным составом, вместо того, чтобы перебить всех ресторов дистанционно? Ведь я видела и пролетающие сверху импульсы. Этот вопрос я адресовала солдату, намеревающемуся спускаться вниз.

– Скажите... – я старалась перекричать громкое мычание арантьягов, – а почему осы напали?

– Никто не знает, – пожал плечами с защитными карбоновыми накладками мужчина, явно радуясь возможности подольше задержаться наверху. – Словно с цепи сорвались, взбесились и все тут! Как новую партию арантьягов доставили! Главное, ведь не едят, а просто жалят! Чтoб они сдохли, твари полосатые... Придётся вакуумом гнездо потрошить, только с такими темпами мы до него и за неделю не доберёмся.

– А почему нельзя уничтожить ос импульсно на расстоянии? Зачем сражаться на поле? – полюбопытствовала я, с ужасом понимая, что на Сальдери мы застряли надолго. И тут же одернула себя. Никто не обещал, что после Сальдери меня ждёт курорт. Реальность может оказаться куда хуже наблюдения за гигантскими насекомыми.

– Велик риск ошибки, лэнна. У импульсов большой радиус действия и он захватывает иногда... не только ос, – мужчина отчего-то замялся. – Мы заметили, что иногда импульсы косят в сторону арантьягов.

– Вот как... – я задумчиво потёрла подбородок, а молодой воин стал суетливо перебираться на транспортник, вероятно, понимая, что сболтнул лишнее.

– Ну... мне пора... – тяжело выдохнул он, на ходу доставая инициатор меча.

– Удачи!.. – пожелала я и снова мазнула взглядом по Зэлдару. Мужчина бился так неистово, что, казалось, готов в одиночку раскрошить целый рой пчёл. Мне показалось, что происходящее доставляет ему удовольствие сродни тренировкам в этом его нижнем зале, который невольно стал моим пристанищем. Кстати, тренировку я ни разу не видела, похоже, что дальтериец избегал встреч со мной так же, как и я с ним. Вздохла и посмотрела на Эндо, мирно покачивающегося рядом.

– Это и есть боль, Эндо. Посмотри вон на тех арантьягов, – я вытянула руку в направлении животных, скрюченных на земле. Не знаю, почему, но за эти два дня я настолько привыкла делать пояснения для робота, что сейчас рот заговорил сам по себе. – Это боль тела. Но любая война, любое сражение это ещё... боль души. Когда живые убивают живых, неважно, люди это или кто-то еще... С единственной целью – удовлетворить какой-то интерес, ценность которого не идёт ни в какое сравнение с самим правом жить... – я покачала головой, Эндо – чешуйками, мы ещё раз глянули на творящийся внизу кошмар и Эндо наконец, изрёк.

– Это... – он силился подобрать слово, – тянет...

– Ещё как тянет! – согласилась я. – Все струны души вытягивает! – Я шумно втянула воздух и замолчала. Смотреть на мучения других было невыносимо. Но еще острее ощущалась моя бесполезность. И если раненым солдатам помогали роботы, то пострадавших животных игнорировали. – Мне надо немного подумать, Эндо, а ты... поищи информацию, есть ли противоядие или обезболивающее, которое можно применить к раненым арантьягам.

Я отошла в сторону и уселась в позу недоделанного лотоса, то есть ступнями, спокойно покоящимися на земле. Так мне легче было ощутить контакт с происходящим, словно земля нашептывала какие-то древние истины. Наверное, лучшим решением в моей ситуации было бы вернуться на корабль, не подвергая дополнительному риску свою жизнь и порядком расшатанную психику. Но... я не могла. Смутно чувствовала беспокойство и нечто, ускользающее от моего внимания.

Я прикрыла глаза, стараясь сосредоточиться как обычно. Конечно, на нашем факультете были знатоки по проникновению в мозги животных, крайне редкие специалисты по насекомым, но я к ним не относилась. Не мое это... Но все же базовый курс мы проходили. Я напряжённо вспоминала, о чем говорил инсектолог на тех немногочисленных парах, что я соизволила посетить. Признаться, с детства недолюбливаю членистоногих и никогда не видела себя в роли знатока их чувств. А жизнь вот как повернулась... Мне надо проникнуть в сознание ос и узнать, где кроется причина их агрессии.

Надо заполнить своё сознание ассоциациями, связанными с насекомыми. На ум пришла безобразная гигантская голова мухи, усеянная тонкими волосками и увенчанная ошупываю-

щим хоботком. Бр-р-р! Мне стало нехорошо, даже тошнотворно, и я открыла глаза, но тут же уткнулась взглядом в устрашающую по своему размаху и содержанию картину сражения. Вновь мимо понесли солдата, рвущего сердце криком боли. Нет, так нельзя...

Я вздохнула и обратила взор внутрь себя. Мудрый профессор этических проблем применения Имитационики любил повторять: чтобы нечто понять, необходимо это полюбить, слиться с ним, отказавшись от себя. Итак, Аля, никакая ты не Альтарея, жительница Третьего союза, захваченная в плен безжалостным, невыносимым дальтерийцем... Ты – муха, завораживающе блестящая на солнце зелёным цветом и подрагивающими прозрачными крыльями с тонкими прожилками... Так что ещё... Лучше оса, конечно. Я вспомнила жвалы жука, схватившего меня, их хруст... Хитиновые панцири и мякоть внутри, вкус мёда, такой сладкий и привкус... Привкус пчёл, точнее их слюны, которой они удобряют нектар. Мёд – пчелиная слюна...

Я приоткрыла глаза и выпетила взглядом осу, наматывающую круги вокруг поля с монотонным жужжанием. Крылья. У меня непременно должны быть крылья, поднимающие высоко, и жало, срабатывающее тогда, когда меня захватывают сильные эмоции. Задержала взгляд на насекомом... Спокойно, Аля. Это всего лишь оса и она просто преследует свои цели. Борется за жизнь, как может. Она не желает зла, у неё инстинкты... Момент... Рывок! Пытаюсь поймать сознанием осу, но ничего не выходит. Насекомое ускользает от моего внимания. Концентрации недостаточно, и сил маловато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.